

*Господь — свет для меня.
Мих. 7, 8*

Свѣтильникъ

ИЗДАНИЕ ДЕТСКОГО ОТДЕЛА МСЦ ЕХБ

(19) 2019

*Нехорошо душе
без знания...*

Притч. 19, 2

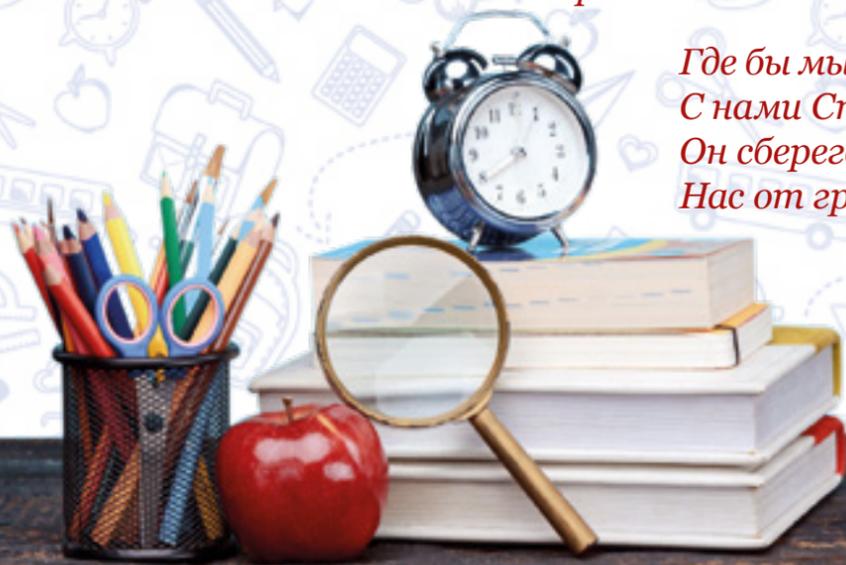
*Школьная жизнь так сложна и сурова
Для христианских детей.
Там нет почтения к Божьему Слову,
Много греховных сетей.*

*Чтоб устоять и пройти все преграды,
Трудности преодолеть,—
Богу послушным и верным быть надо
И никогда не робеть.*

*Верим, Господь нам конечно поможет
Чистым сердечко хранить,
Чтоб не сдружиться с неверьем и ложью
И по-евангельски жить.*

*Слово Господне нам ясно вещает:
Сила — у Бога Творца.
Он нам по жизни идти помогает,
Верными быть до конца.*

*Где бы мы ни были: дома иль в школе —
С нами Спаситель людей.
Он сберегает священным глаголом
Нас от греховных путей.*

Для чего эта школа?

*Итак, смотрите, поступайте осторожно,
не как неразумные, но как мудрые,
горожа временем, потому что дни лукавы.
Ефесеям 5, 15–16*

Дорогие школьники! Вы живёте в хорошее время, потому что имеете возможность учиться бесплатно. Обучение в школе вам необходимо для того, чтобы потом поступить в выбранное вами средне-специальное или высшее учебное заведение для получения какой-то профессии. Хорошо, если с помощью полученной специальности вы будете не только зарабатывать деньги, но и сможете послужить Богу, трудясь в церкви.

Учиться вам, конечно же, нелегко. Большая нагрузка, домашние задания, неинтересные предметы или нелюбимый учитель превращают для вас школу в тяжёлое бремя. По этой причине вы мечтаете побыстрее из школы уйти. Но вы должны понимать, что школа, кроме знаний, даёт ещё много полезного. В ней формируется ваш характер, в ней вырабатываются полезные привычки.

Чему можно научиться в школе?

Школа научит вас терпеливо переносить трудности: рано вставать, идти в школу, даже если совсем не хочется, слушать на уроках внимательно, чтобы понять тему, выполнять домашние задания, несмотря на то, что они бывают сложными и на них уходит много времени.

Школа научит вас почтительно относиться к старшим: к охранникам, к персоналу, к учителям. Когда вы с почтением относитесь к старшим, вы показываете им, что уважаете их труд.

Школа научит вас аккуратности и опрятности. Чтобы вам не было стыдно перед другими учениками, вы будете стараться ходить в опрятной одежде, будете следить за своей причёской, чистотой рук и лица. Станете обращать внимание на то, чтобы на парте у вас всегда был порядок.

Чего нужно избегать?

Полезные привычки закрепятся в вашем характере и останутся на всю жизнь. Но вам нужно быть внимательными и понимать, что вместе с полезными привычками могут развиваться и вредные. Например, привычка мстить. Ведь в школе вы сталкиваетесь

с разными людьми и с разным отношением к вам. Бывает такое, что к вам отнеслись несправедливо или незаслуженно обидели. Вам хочется отомстить таким людям, поступить с ними так же, как они с вами. Но вы должны понимать, что Иисус Христос учит не воздавать злом за зло.

Плохие слова и обман — частые «гости» в школе. По результатам опроса среди христианских учеников выяснилось, что именно нехорошие слова и ложь являются самыми распространёнными грехами. Нужно этого избегать.

К распространённым грехам относится и нескромное отношение к противоположному полу. Мальчики и девочки должны помнить о целомудренном поведении и о том, что «школьная любовь» никогда не заканчивается хорошо, она приносит много проблем и мешает сосредоточиться на учёбе.

Почему нужно убегать от греха, как когда-то Иосиф, и не оскверняться, как однажды положил в своём сердце Даниил? Потому что именно сейчас закладывается фундамент вашего будущего, и от вашего поведения зависит, как в дальнейшем сложится ваша жизнь.

Вспоминая школьные годы, один христианин рассказал о судьбе своего одноклассника. «Когда я учился в шестом классе, каждую перемену в туалете на втором этаже собиралась группа старшеклассников 14-15 лет. Они не разрешали другим ребятам заходить туда, потому что там, в туалете, они курили и «воспитывали» тех,

кто младше их. В этой компании был мой одноклассник Вася. Он был единственным двенадцатилетним в их группе. С его помощью эти ребята «свершали правосудие». Например, если кто-то не послушался старшеклассника или нагрубил ему, такого ученика вели на перемене в тот туалет и Вася бил его по лицу или пинал, а старшие стояли и смотрели. Я тоже иногда бывал в этом туалете, Вася бил и меня.

Как, вы думаете, сложилась судьба Васи? Я вам расскажу. Прошло время, я окончил школу и принял крещение в церкви. Однажды мои верующие друзья поехали в тюрьму, чтобы рассказать заключённым об Иисусе Христе. Возвращаются и говорят, что мне передавал привет Вася, он, оказывается, сидел в тюрьме.

Прошло ещё десять лет. Друзья вновь приезжают из тюрьмы и передают мне привет от Васи. Так сложилась судьба моего одноклассника, который в школе чувствовал себя «героем» под защитой старших ребят и бил других. Он сам выбрал себе такой путь в жизни. Ведь выбор пути в подростковом возрасте определяет дальнейшую судьбу человека».

Почему необходимо хорошо учиться?

К чему вы ещё должны стремиться в школе? К тому, чтобы хорошо учиться. Среди христиан должны быть грамотные и образованные люди, поэтому вам нужно стараться учиться на четыре и пять. Вы, мальчики, — будущие проповедники, и знания вам приго-

дятся для того, чтобы готовить хорошие проповеди. Поэтому ваша задача — относиться к учёбе серьёзно. Девочки, вам знания потребуются для занятий с детьми в церкви и для воспитания своих собственных детей.

Что необходимо для успешной учёбы?

Для успешной учёбы у вас есть всё:

Во-первых, **драгоценное время**. Вам, в отличие от взрослых, не нужно его тратить на зарабатывание денег. Родители вас кормят, поят и заботятся о вашем благополучии.

Во-вторых, у вас есть **свежий ум, прекрасная память, любознательность**.

В-третьих, для учёбы вы имеете **технические возможности**, разнообразие учебной литературы и пособий, богатый ассортимент канцелярских принадлежностей. Ваши прадедушки учились писать на клочках грубой бумаги отрывком химического карандаша, а то и вовсе кусочком угля.

В-четвёртых, в вашем распоряжении **помощь учителей и любящих родителей**, готовых во всём вас поддержать.

Так что, дорогие школьники, дерзайте! Если кому-то учёба не нравится, постарайтесь просто изменить своё отношение к школе, попытайтесь найти в ней полезное и интересное для себя. Опыт взрослых людей убеждает в том, что человек, не учившийся в школьные годы, когда-нибудь пожалеет об этом, а тот, кто прилежно учился и приобрёл богатый багаж знаний, об этом не пожалеет никогда!

КИБИ

ЧАСТЬ 2

ТАЙНА НАВАМА

Корабль плыл и плыл. Дни, словно бусины, нанизанные на нитку, были похожи один на другой. Цепь, которой сковали ноги Киби, казалась ему всё тяжелее и тяжелее. Иногда, в ночных кошмарах, она снилась ему в виде чёрной змеи...

Хмурое утро неласково встречало пленников, которым голландцы позволили подняться из трюма на палубу, чтобы подышать свежим воздухом и размяться. Киби с тоской, еле сдерживая слёзы, рассматривал людей. Он сидел на палубе, прижавшись спиной к борту корабля. Кругом были незнакомые печальные невольники с цепями на ногах и равнодушные матросы, изредка бросавшие на чернокожих презрительные взгляды. Размазывая кулаком слёзы, он совсем уже было собирался зарыдать в голос, как ощутил на своей голове чью-то тёплую руку. Вскинувшись, Киби увидел Навама. Старик смотрел на него глазами, полными горечи и жалости. На лбу у него была рана с рваными краями и запёкшейся кровью.

Молчаливое участие близкого человека тронуло мальчика до глубины души, и он кинулся старику на грудь. О чём говорить в такой момент? Киби совсем потерял дар речи и только плакал, вздраги-

вая всем телом. Ему хотелось, чтобы Навама сказал ему хоть что-то, но как об этом попросить, мальчик не знал.

— Навама, спой, пожалуйста, спой! — прошептал он.

Старик изумлённо посмотрел на Киби, а потом начал с опаской оглядываться вокруг. За ними наблюдало множество усталых, измождённых, несчастных пленников. В их глазах застыла такая безнадежность, что сердце Навама сжалось. Он ещё раз оглянулся вокруг: не набросятся ли матросы с кулаками, если в самом деле начать петь? Но на него смотрело столько внимательных глаз, которым так нужна была поддержка... И Навама запел. Голос его был слаб и нерешителен. Матросы бросали на старика презрительные взгляды, но он отвернулся от них, крепко зажмурившись. И вот над океанской гладью полетели уже более уверенные звуки песни:

*Он утешит печальных
И освободит пленных.
Никто не будет больше плакать.
Там будет великая радость...*

Вся палуба словно замерла, прислушиваясь к пению Навама. Киби тоже притих. В его сердце возникло несколько вопросов: кто этот человек, о котором пел старик? Когда он придёт, чтобы освободить пленных? Но мальчик не посмел задать эти вопросы вслух.

Навама стоял, покачиваясь в такт волнам. Глаза его были закрыты, лицо светилось покоем, а губы слегка шевелились, словно Навама разговаривал с ветром. Но Киби не слышал ни звука, хотя стоял совсем близко к старику. Наконец Навама открыл глаза и обратился к невольникам:

— Я не должен был молчать. Плоть слаба, и я просто боялся говорить о самом важном в моей жизни. Но просьба Киби придала мне сил. Теперь я расскажу вам свою историю.

Киби замер, вытянув шею: наконец-то он узнает тайну Навама!

— Я родился в большой деревне на Золотом Берегу. Однажды в нашу деревню пришёл необычный человек. Его звали Мунаш. Он был таким же чернокожим, как и все мы. Не было в нём ничего особенного, кроме глаз, полных спокойствия и уверенности.

Люди нашей земли боятся духов, хотя и поклоняются им.

А Мунаш не боялся. Он говорил о духах без дрожи в голосе, в то время как мы просто цепенели от страха перед ними. Сначала Мунаш поговорил с вождём, а у вечернего костра начал рассказывать нам о Великом Духе — могучем Боге, Который создал весь наш мир. У Бога был Сын, Иисус, Который пришёл на землю много лет назад, чтобы научить людей добру и рассказать о пути к Великому Духу — Богу. Иисус исцелял больных, кормил голодных и даже воскрешал мёртвых. Но мы, люди, грешим, не стремимся к добру, не слушаемся Бога и не служим Ему. Мы слишком злы и завистливы, это приносит много бед и страданий. И хотя Бог любит людей, которых создал, — зло всегда должно быть наказано! Иисус делал людям много добра. Но злые люди убили Иисуса. Он принял смерть, как наказание, которое за грехи заслужили мы. Но Он сильнее смерти и воскрес через три дня. Он живёт и сейчас.

Мунаш уверял, что мы можем больше не бояться злых духов. Ведь Иисус, Сын Бога, сильнее всех духов. И каждый, кто попросит Иисуса стать его Господином, уже не будет наказан Богом за грехи. А злые духи не посмеют к нему приблизиться. Этот рассказ проник мне в самое сердце. Когда все мы разошлись, я думал об Иисусе. Сна не было, и я мучился душевной ночью. Я задремал почти под самое утро. И мне приснился незнакомый человек в белой одежде, который сказал: «За то, что ты не слушался Бога и не служил Ему, ты должен быть наказан. Но Иисус умер за тебя. Он понёс наказание, которое заслужил ты. Если ты признаешь Его своим Господином и захочешь Ему повиноваться и служить, Он простит тебе всю твою вину». Я проснулся от собственного крика. Теперь я верил всему, что услышал у костра, так как сам ощутил удивительную силу, которая была мощнее любых духов. Еле дождавшись утра, я побежал искать Мунаша, чтобы узнать, как можно обратиться к Великому Господину всех духов. Мунаш ответил, что я должен пойти в свою хижину, встать там на колени и рассказать Богу о всех своих мыслях, страхах и желаниях. Если я хочу освободиться от наказания за свои грехи, то мне нужно попросить у Иисуса прощения за них.

По дороге меня охватывали то восторг, то сомнения: а станет ли со мной разговаривать Великий Бог? Почему Иисус, Сын Бога, принял наказание за нас, людей, и за меня, Навама? Я вбежал

в свою хижину, упал на колени и низко опустил голову. Я задыхался от волнения и быстрого бега и не мог вымолвить ни слова.

Навам остановился, чтобы перевести дух. Невольники смотрели на него, расправив плечи, в их глазах горела надежда.

— Я сел на пол посреди своей хижины, крепко обхватил голову руками и начал думать. Как трудно было решиться отказаться от веры предков! Мой отец и дед, а также отец деда и его прадед служили духам джунглей. Имел ли я право разорвать эту связь? Примет ли Бог меня? А если я окажусь Ему неугодным? Я бы, наверное, обезумел от этих терзаний, если бы в это время не начали разжигать вечерний костёр. И я снова пошёл туда, чтобы увидеть Мунаша.

Он уже сидел там и при свете огня листал Книгу своего Бога — Библию. В тот вечер он прочёл нам историю об одном вожде, который пришёл ночью к Иисусу, чтобы поговорить с Ним. И тогда Иисус сказал этому человеку слова, которые я с тех пор не смог забыть: Бог так сильно любит весь мир, и тебя и меня, что Он отдал Своего Сына; и каждый, кто принадлежит Ему, не будет наказан, но будет всегда жить. Иисус, Сын Бога, добровольно взял на себя их наказание, стал жертвой за их грехи. И теперь тот, кто станет слугой Иисуса, — не будет наказан. Тот же, кто не согласен принять жертву Христа, отвечать за свои грехи будет сам.

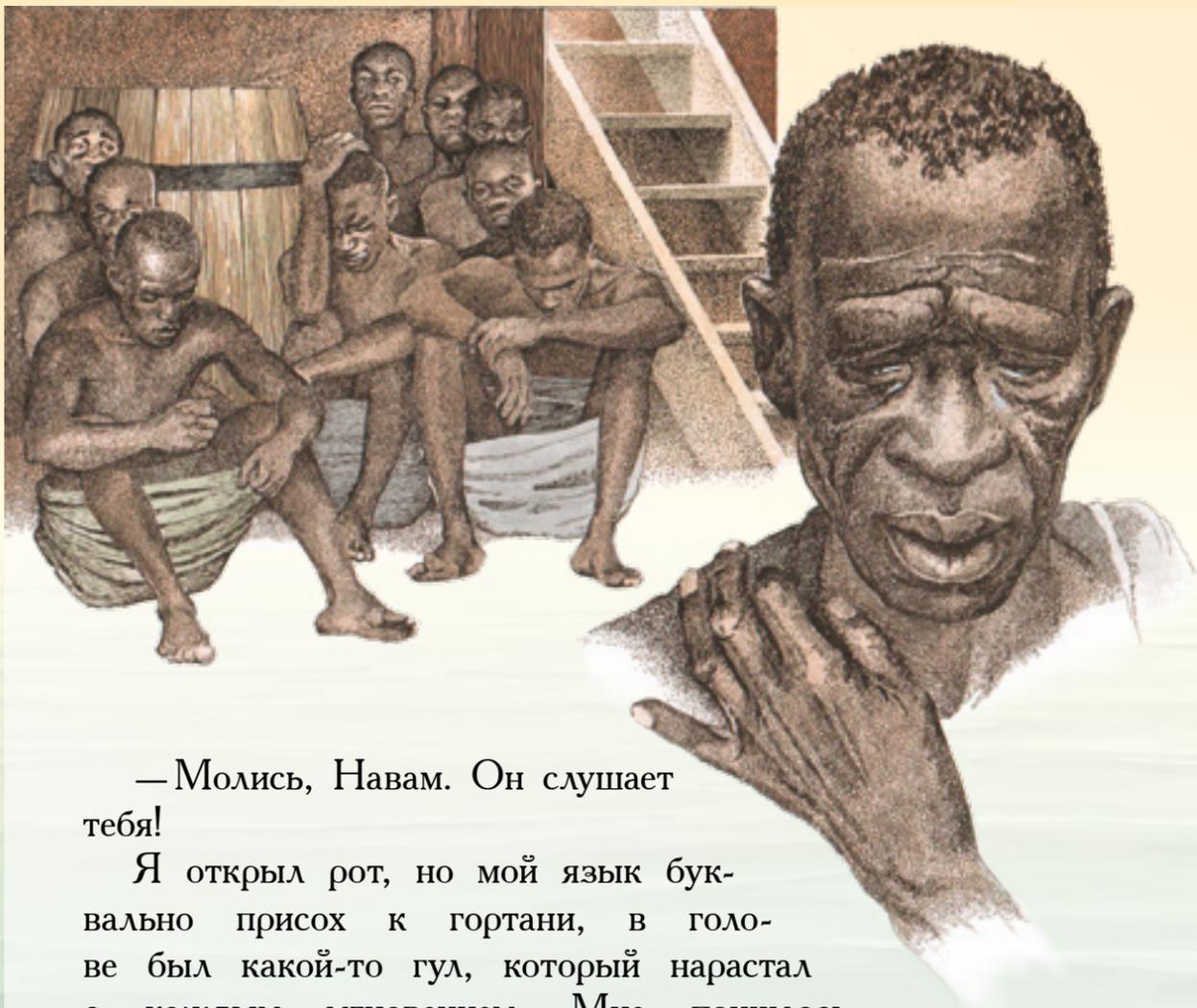
Я ловил каждое слово Мунаша. Всегда жить, не быть наказанным — и это все только потому, что великий Бог меня любит? Да, я боялся Божьего наказания и хотел быть свободным от него, но я всё ещё колебался. Костёр погас, все жители деревни разошлись по своим хижинам. И тогда я позвал Мунаша в свой дом. Когда мы зашли, я с волнением рассказал ему о своих страхах и о том, что не нашёл смелости поговорить с неведомым мне Богом.

— Хорошо, — кивнул мне Мунаш. — Тогда мы сейчас поговорим с Богом вместе!

Мы опустили на колени, закрыли глаза и склонили голову. Мунаш начал молиться первым:

— Отец! Я привёл к тебе Навама. Ты видишь, что он боится Тебя, потому что почти ничего не знает о Тебе. Он сомневается. Но Ты любишь его, а Навама хочет быть Твоим. Помоги ему набраться смелости и доверь Ты свою жизнь. Аминь.

Потом незнакомец сказал мне:

— Молись, Наваму. Он слушает тебя!

Я открыл рот, но мой язык буквально присох к гортани, в голове был какой-то гул, который нарастал с каждым мгновением. Мне пришлось лежать на полу своей хижины, потому что руки и ноги не могли удержать тело. В тот момент оно казалось мне невероятно тяжёлым. Я шумно дышал, как уставший пёс в жаркий полдень... и наконец произнёс:

— О великий Господин над всеми духами. Здесь, перед Тобой, Наваму. Пожалуйста, помоги мне оставить всё злое, что есть во мне, прости меня, будь добр ко мне, Бог!

Не в силах высказать всё, что так кричало в моём сердце, я уронил голову, ткнулся лбом в пол своей хижины и замер. Глаза мои были открыты, из глаз текли слёзы.

— Он услышал тебя, Наваму! Бог обязательно поможет тебе, — Мунаш мягко коснулся моего плеча.

Я не смог ему ничего ответить. Мунаш тихонько вышел из моего дома. Сколько времени я пролежал на полу хижины, мне неизвестно. Но, наверное, ближе к заре я снова встал на колени и решился

поговорить с Богом:

— Господин над всеми духами! Я хочу быть Твоим, повиноваться Тебе во всём и служить Тебе. Пожалуйста, стань моим Господином!

Глаза мои были закрыты. Лицом я прижимался к полу. Говорил я медленно, сбивчиво, почти шёпотом. И только в самом конце я поднял лицо вверх и выпрямил спину и плечи. Внезапно я почувствовал прилив сил и бодрости, тело моё стало лёгким и вновь мне послушным. Я ощутил не просто счастье. Блаженство! Страх исчез совершенно, и я неожиданно для себя громко рассмеялся.

С первыми лучами солнца я помчался к Мунашу, чтобы рассказать ему о своей радости. Тот объяснил мне, что теперь Бог стал мне Отцом и отныне всегда будет заботиться обо мне.

В тот вечер я изо всех сил напрягал слух и слушал рассказы Мунаша о Боге у костра. Теперь это больше не был неведомый мне Дух. Это был мой Отец, и я хотел знать о Нём всё-всё-всё. Мунаш читал нам Библию ещё пять дней, а потом ушёл из нашей деревни. Перед уходом он сказал мне, что теперь я должен рассказывать людям об Иисусе Христе. О том, как стать Его слугой и избежать наказания за грехи. И Бог послал меня в Лабари.

Голос Навама задрожал, он умолк, отдышался. Было видно, что это признание отняло у него много сил. Все невольники, стоявшие на палубе, не сводили со старика глаз. Его слова были такими многообещающими, дающими надежду! Наваму глубоко вздохнул и продолжил:

— Сейчас мы будем говорить с Иисусом. Закройте глаза и сложите руки на груди.

Все мужчины тотчас закрыли глаза и сложили руки. Киби сцепил пальцы и крепко зажмурился. От волнения его била крупная дрожь, и он напряжённо вслушивался в слова молитвы Навама:

— Отец мой! Я так долго молчал о Тебе перед этими людьми. Прости меня и помоги рассказать им всё, что я знаю. Посмотри на нас, Отец! Ты видишь, что мы боимся, мы не знаем, что с нами будет. Пожалуйста, помоги нам!

Киби долго не мог решиться открыть глаза, хотя по тишине на палубе было понятно, что Наваму окончил свой разговор с Богом. Наконец Киби вздохнул и нерешительно посмотрел перед собой. Прямо на него смотрели широко открытые приветливые глаза Навама.

БОЛЕЗНЬ

День за днём судно шло к своей цели. Утром невольники поднимались на палубу, где им раздавали завтрак — ячневую кашу с пальмовым маслом. Каждый получал по миске не особо аппетитного варева. Часто негры ссорились из-за остатков еды. После завтрака, примерно часа два пленники мыли палубу и прибирались на корабле. На обед рабы получали варёные бобы, после чего им разрешали помыться морской водой. Иногда боцман, который немного знал язык негров, принуждал их петь и танцевать, чтобы невольники оставались бодрыми и здоровыми. Ближе к вечеру им выдавали воду для питья и отправляли в трюм спать. А по вечерам Наваму снова пел и рассказывал об Иисусе.

В одно холодное, туманное утро Киби почувствовал, что не может подняться на палубу. Всё его тело горело, а цепи казались просто неподъёмными. Наваму подошёл к своему новому другу и тронул его за плечо:

— Киби, что с тобой? Ты такой горячий!

— На меня напал злой дух! Он душит меня.

Наваму бросился к матросу, дежурившему в трюме, и начал просить помощи:

— Киби, Киби, он заболел, помогите!

Матрос не понял его слов, но, увидев мальчика, лежавшего на полу, бросился к корабельному врачу. Пока он осматривал мальчика, подошли боцман и капитан:

— Доктор, сделайте что хотите, но мальчишка нужен нам живым! — приказал капитан.

— Я лучше этого старика спущу за борт, за него хороших денег не дадут, а парнишка молод и красив, он стоит целое состояние! — раздражённо проговорил боцман.

Врач ничего не ответил, лишь покачал головой. Белые поднялись вверх, но вскоре матрос вернулся, дал Киби выпить странный на вкус порошок и знаками велел всем подняться на палубу. День прошёл как всегда, и вечером невольники снова вернулись в трюм. Киби

всё ещё лежал на полу. Он то метался в жарком бреду, то дрожал от внезапного холода. Пока Наваму рассказывал и пел об Иисусе, он озабоченно смотрел на мальчика. Но Киби был без сознания и ничего вокруг себя не замечал.

Ближе к ночи боцман и врач спустились в трюм. Врач снова осмотрел Киби. Боцман нетерпеливо спросил:

— Ну что? Как там мальчишка?

— У него лихорадка. Это безнадежно. Заболели ещё несколько рабов.

Обозлённый боцман резко повернулся, споткнувшись об Наваму, который с надеждой всматривался в лицо врача, чтобы понять, что с Киби.

— Уйди с дороги! — взвыл боцман, пнув Наваму со всей злости. Наваму охнул и отскочил в сторону.

— Дело дрянь! Они так дорого обошлись нам! — негодовал боцман, поднимаясь из трюма вместе с врачом.

Наваму опустился на колени рядом с мальчиком и начал тихо плакать:

— Отец, прошу Тебя, пожалей Киби! Он же ещё не пришёл

к Тебе, ему нельзя умирать, иначе он погибнет навсегда! Пожалуйста, Отец, пусть я никогда не увижу свободы, но только сделай так, чтобы Киби жил. Я хочу ему много рассказать о Тебе, Отец! Я хочу, чтобы он пришёл к Тебе и стал Твоим слугой, как и я.

Навам поднял своё старое, изрытое морщинами лицо вверх. Старик внезапно вспомнил историю, которую рассказал ему Мунаш: «Пророк Илия оставил после себя преемника, Елисея. И после того, как Илия ушёл на небо, Елисей продолжал пророчествовать». Навам приободрился и решил, что Киби непременно должен не просто стать верующим, а ещё и научиться другим рассказывать о Боге.

— Отец! Я стар и скоро умру. Я прошу, чтобы Ты даровал Киби жизнь, чтобы он принадлежал Тебе и занял моё место, когда меня больше не будет. Пожалуйста, научи Киби быть Твоим слугой!

Всю ночь Навам молился о мальчике. Он заснул перед самым рассветом, приняв решение отказаться от еды и быть в посте, как его когда-то научил Мунаш.

Утром Киби снова остался в трюме один. Матросы принесли невольникам завтрак. Боцман с перекошенным от ярости лицом лично наблюдал, как раздают еду.

— Сегодня ночью умерло три человека, — шептались пленники.

Навам вздохнул и отодвинул от себя миску, так и не прикоснувшись к еде.

— Ты чего там скривился? Помереть с голоду решил? — боцман сорвался с мостика, где стоял вместе с капитаном, и бросился к Наваму.

Старик кротко опустил взгляд, вжав голову в плечи. Боцман распустил плетень, которую носил на поясе, и, поймав разрешающий взгляд капитана, грозно рыкнул:

— Ешь!

Но Навам лишь печально покачал головой.

Плетень со свистом взметнулась вверх, боцман несколько раз ударил Навама по плечам и рявкнул:

— Ешь!

— Нет! — тихо, но твёрдо ответил Навам.

На его груди пролегло ещё несколько полос от плети, которые тут же стали наливать синевой, а на кончиках ран кожа лопнула, и по груди старика потекла кровь.

— Ешь, иначе ты помрёшь, как и твои дружки, — повторил

свой приказ боцман, кивнув на матросов, которые как раз скидывали за борт мёртвые тела. Но Навам отказался.

— Старый глупец! — прошипел боцман.

Капитан развернулся и направился в свою каюту, проведив в сторону боцмана:

— Ты лично отвечаешь за их жизнь и здоровье!

К концу дня скончалось ещё пять человек. Врач не мог их вылечить, болезнь быстро распространялась. Навам снова собрал вокруг себя всех желающих и учил их молиться. Каждому он предлагал стать слугой Христа. Голод, страдания и смерть располагали людей задуматься о своей душе. Многие хотели поговорить, задавали вопросы, и старик терпеливо отвечал, не отказывая никому. А Киби к вечеру стало ещё хуже, его лицо осунулось, он еле дышал.

— Вряд ли мальчишка доживёт до утра, — сказал врач боцману.

Тот злобно выругался и поднялся на палубу. Раскурив трубку, боцман вперился взглядом в ночное южное небо. Он хорошо помнил слова капитана и понимал, какие проблемы ждут его в случае смерти Киби.

А Навам снова стоял на коленях рядом с Киби, положив свою руку мальчику на голову, и молился:

— Отец, Ты один можешь помочь! — больше слов у него не было.

ЮНГА

Настало очередное утро. Вышедшие из душного затхлого трюма пленники, щурясь от непривычно яркого солнца, жадно вдыхали свежий морской воздух. Матросы вынесли на палубу завтрак, и невольники нестройным рядом потянулись за кашей.

— Ага, проголодался, — осклабился боцман, увидев, что Навам в этот раз не отказывается от еды.

Старик взял свою порцию, поклонился боцману и заулыбался.

— Бог открыл мне, что Киби поправится.

К вечеру небо затянуло тёмными, словно дым от пожара, тучами. Матросы раздражённо бегали по палубе, выполняя короткие команды капитана. Негров сразу после ужина загнали в трюм.

Как только за ними захлопнулась дверь, на палубу упали первые крупные ледяные капли. Раскаты грома были настолько долгими и страшными, что многие пленники упали на колени и закричали:

— Бог, Бог! Помоги нам!

Свирепый шторм бушевал всю ночь, не дав сомкнуть глаза ни команде, ни невольникам. Вой ветра и треск балок накрыли всё судно от верхушек мачт до самых далёких и укромных уголков трюма. Стараясь перекрыть гул шторма, Наваму рассказывал перепуганным невольникам историю, которую они и до этого слышали от него много раз. Сейчас она звучала по-новому:

— И когда волны уже начали захлёстывать за борт лодки, ученики в ужасе бросились будить Иисуса, Который спокойно спал! Когда Спаситель проснулся, Он приказал буре утихнуть, а волнам успокоиться, и сразу же шторм прекратился! Ученики в недоумении спрашивали друг у друга: Кто же Он, если Ему повинуются и волны, и ветер?!

Тем временем шторм только усиливался. Многих рабов скосила морская болезнь. Громкие стоны человеческих страданий сплетались с воплями ужаса, когда корабль падал с очередной высокой волны, скрипя каждой балкой и пугая треском обшивки. Ночная темнота наводила ужас.

Наступившее утро не принесло облегчения. Чёрные тучи плотно заволокли небо. Шквальный ветер мотал судно, рвал паруса, завывал, словно злобный голодный пёс. За ночь несколько невольников умерло. Но у матросов не было времени и сил вынести их из трюма и сбросить за борт. Тела так и лежали на своих подстилках. Вид мёртвых погружал пленников в ещё большие глубины отчаяния и ужаса. И только к полудню волны перестали яростно биться о борта судна. Теперь они катились тёмной, ворчливой массой.

Только к вечеру матросы нашли время принести в трюм пищу и воду.

— Воды, воды! — слышалось со всех сторон.

Киби открыл глаза. Долго он неподвижно смотрел на Наваму, а потом прошептал:

— Воды!

Его сухие, потрескавшиеся губы еле раскрывались. Он скорее выдыхал это слово, нежели проговаривал. Наваму осторожно

начал вливать мальчику в рот прохладную влагу.

— Морского ежа тебе за пазуху! — вошедший в трюм боцман с яростью в глазах смотрел на то, как старик спаивал драгоценную пресную воду умирающему мальчику. — Да этот мальчонка всё равно не жилец, зачем ты тратишь на него воду?!

— Господи, помоги мне! — с ужасом закричал Наваму, а потом, смиренно опустив голову, попросил: — Пожалуйста, разрешите мне, я отдам мальчику свою порцию!

— Да чтобы вы все тут... — не договорив, боцман махнул рукой и ушёл.

— Пей, пей, малыш, — ласково приговаривал Наваму, наблюдая за тем, как вода сначала просто просачивалась Киби в рот, а потом губы дрогнули и раскрылись. Ещё несколько тяжёлых глотков, и мальчик уже сам потянулся к воде. С ласковыми словами, давая передохнуть, Наваму выпоил Киби всю чашку.

Через минуту мальчик открыл глаза. В них уже не было лихорадочного блеска, и мутная пелена не заслоняла чистый взор.

— Как хорошо! — прошептал он.

Эти два слова отняли у больного все силы, и он снова потерял сознание.

Весь следующий день Наваму просидел возле Киби, отлучившись только для того, чтобы получить свою порцию еды. Но есть он не стал. Наваму поставил тарелку возле головы Киби в надежде, что тот поест, когда ему станет лучше.

На закате Киби снова пришёл в себя.

— Что за крики? — тихо спросил он.

— Это боцман бьёт рабов плетью, чтобы они успокоились. Шторм напугал всех. Еды и питья на всех не хватает. Но ты не бойся, Бог всё сделает хорошо! — ласково сказал старик, поглаживая Киби по голове.

Погода наладилась, мальчик начал выздоравливать и с помощью Навамы выходил на палубу. Каждое утро, во время завтрака, старик оживлённо рассказывал неграм истории из Библии.

В одно такое утро боцман спросил у Навамы:

— О чём ты постоянно им говоришь, старик?

— Об Иисусе, — ответил Наваму.

— Ты? Об Иисусе? Ха-ха-ха! Вот умора! Ты же язычник, что ты можешь знать об Иисусе?!

Боцман с раздражением отошёл от пленников.

— Нет, вы только подумайте! Этот старик вообразил себя проповедником и думает, что его благочестивые речи что-то значат! — с презрительной насмешкой выплеснул боцман в кубрике, где собрались матросы.

Команда поддержала боцмана дружным смехом.

— А можно мне сходить послушать? — раздался чей-то робкий голос после того, как стих гогот матросов.

Боцман хмуро посмотрел на юнгу, посмеявшегося задать ему этот вопрос.

— Майкл? Разве ты понимаешь их язык?

— Да, боцман. Я уже не первый раз в плавании, много помогал команде устраивать рабов и выучил их язык, я способен к этому... — смущённо ответил юноша.

— Да, но только чтобы это тебе не мешало выполнять свои обязанности! Если ты начнёшь часами пропадать среди негров, увильнуть от работы, я тебя высеку, даже не сомневайся! Заодно проверишь, не собирается ли этот сброд бунтовать.

Так юнга по имени Майкл стал по утрам слушать рассказы

Навамы. Скоро он понял, что рабы даже не помышляют о бунте, а действительно слушают истории о Спасителе. Эти истории он много раз слышал в отчем доме. Мама часто читала Майклу Библию. Он думал, что давно уже позабыл рассказы из той, маминой любимой чёрной книги, однако за несколько дней Библия ожила в его памяти. Иногда он что-то добавлял к рассказам Навамы, вступал в диалог с рабами, объяснял сам или с интересом выслушивал объяснения Навамы. Майкл видел, что Киби ещё слаб после болезни, и часто делил с ним свою порцию хлеба. Он был добр к юному пленнику, и Киби нравился белый мальчик с синими глазами и светлыми волосами. Разница в возрасте у них была всего три года. Правда, Майкл выглядел намного старше, так как был мускулистее и крупнее. Но это не мешало ребятам завязать приятельское общение. Теперь они вместе выходили на палубу, чтобы послушать рассказы Навамы.

Всё больше и больше рабов во время молитвы выходили вперёд и, встав на колени, принимали Христа своим Господом и Спасителем. И каждый раз все пели песню Навама:

*Он утешит печальных
И освободит пленных.
Никто не будет больше плакать.
Там будет великая радость...*

— С ума посходили эти негры! — ворчал боцман.
Он стоял с капитаном на палубе, слушая пение рабов.
— Свобода желанна каждому живому существу, даже животному, — ответил капитан.
— Да зачем им свобода? Они ж подохнут с голоду без хозяйской похлёбки!
— Сдаётся мне, что эти негры мечтают не столько о физической свободе, сколько о внутренней, — улыбнулся капитан.
— Вы слишком очеловечиваете их, капитан, — сплюнул за борт боцман.

А тем временем Наваму продолжал свою проповедь:
— Даже если вам придётся быть рабами, и тогда спокойно и радостно исполняйте приказы своего хозяина. Это угодно Господу. Никогда не отвечайте злом на зло!

Невольники слушали и кивали. Киби с глазами, полными восторга, не сводил взгляда с Навама. После выздоровления он почти всё время был рядом со стариком. Мальчик мечтал стать похожим на него: таким же мудрым, спокойным, справедливым и бесстрашным. Наваму не молчал, когда совершались злые дела. Только Наваму осмеливался прикрыть собой провинившегося раба, когда боцман опускал на спину несчастного плеть. И только Наваму смог заступиться за пленников перед капитаном, когда матросы стали давать рабам меньше свежей пресной воды.

— Наверное, Святой Дух даёт Наваму столько мудрости и силы! — шептался Киби с Майклом.

Наваму любовался общением мальчиков и в душе молился, чтобы Господь не дал никому из них погибнуть.

(Продолжение следует.)

Меры длины

Соедини стрелками меры длины и их значения:

Перст	2 см
Ладонь	1500 м
Пядь	50 см
Локоть	3 м
Трость	180 см
Субботний путь	8 см
Стадия	1 км
Сажень	25 см
Поприще	180 м

Запиши размеры Теннисаретского озера в мерах длины:

Длина: поприщ + стадий + тростей

Ширина: поприщ + стадий

Глубина: сажень

Морской гигант

Синий кит — самое крупное млекопитающее нашей планеты. Взрослые особи вырастают в длину до 30-ти метров. Это длиннее, чем вагон пассажирского поезда! Люди нередко называют синего кита морским гигантом за его чудовищные размеры, которые производят неизгладимое впечатление на тех, кто увидел это животное хотя бы однажды.

У кита вытянутое тело.

Большая голова с острой мордой и широкой нижней челюстью заметно контрастирует с маленькими глазами, размером с грейпфрут. У животного есть дыхало, которое снабжено клапаном. Благодаря этому, оно плотно закрывается при погружении и открывается при всплытии. Когда кит освобождает лёгкие, это сопровождается сильным шумом, и над головой животного можно увидеть «фонтан», высотой до десяти метров, состоящий из отработанного воздуха и водяного пара.

Основная окраска тела у синего кита преимущественно серая с голубоватым отливом. По всему телу хаотично расположены серые пятна разнообразных форм и размеров, отчего кожа выглядит мраморной.

Китовый ус

Макет сердца кита

Криль

Вес этого морского гиганта достигает иногда больше 150-ти тонн. Язык кита весит целых четыре тонны, это вес взрослого слона. Сердце, размером с автомобиль, весит тонну. Стук сердца кита можно услышать за три километра! Эти звуки легко улавливают акустические приборы, расположенные на кораблях. К этому можно добавить, что в ките целых восемь тысяч литров крови, а его кровеносные сосуды имеют диаметр, сходный с рулём автомобиля.

Синий кит не самое быстрое животное. На коротких дистанциях он может плыть со скоростью до 37-ми км/ч, а в некоторых случаях и до 48-ми км/ч. Но кит не может длительное время удерживать такую скорость, поскольку это слишком большая нагрузка на его организм. В основном синий кит передвигается медленно, в пределах 2-6-ти км/ч, особенно когда поглощает пищу.

Морской гигант питается не крупными рыбами, а мелкими ракообразными. Это разнообразные организмы, свободно дрейфующие в воде, неспособные сопротивляться течению. Их называют планктоном или крилем. Кит медленно плывёт с открытой пастью и набирает в неё воду с массой мелких ракообразных. При этом пасть кита очень сильно растягивается. Зачерпнув воду

с рачками, кит закрывает пасть, а его язык выталкивает воду обратно сквозь китовый ус. Планктон, который осел на бахrome уса, заглатывается. Громадная нижняя челюсть, наполненная водой с кормом, становится очень тяжёлой. Иногда вес её оказывается настолько большой, что киту сложно двигать челюстью, чтобы закрыть пасть. Поэтому животное для облегчения этого процесса переворачивается на бок или на спину. В таком положении челюсть захлопывается сама под действием силы тяжести.

За сутки морской гигант съедает от четырёх до шести тонн криля. Хотя кит, при необходимости, может оставаться и без пищи и не есть целых десять месяцев!

А ещё он может не спать целых сто дней!

Самка кита рождает обычно одного китёнка раз в два-три года. Детёныш появляется на свет длиной в шесть-восемь метров и массой две-три тонны. Сразу после рождения он может передвигаться самостоятельно. Китёнок до семи месяцев кормится молоком матери. За сутки он выпивает до 90 литров молока. В течение года детёныш вырастает до 16-ти метров в длину и набирает вес до 23-х тонн.

Синие киты, как и другие китообразные, не имеют зубов. Поэтому учёным бывает трудно определить возраст животного. Считается, что средняя продолжительность их жизни достигает 50-ти лет, отдельные особи способны прожить до 90, а самым старым считается животное, умершее в возрасте 110-ти лет.

Внаши дни синие киты распространены по всему миру. Среда их обитания включает все океаны, за исключением Северного Ледовитого. Эти животные — одни из самых редко встречаемых разновидностей китообразных. Их численность колеблется от 10-ти до 25-ти тысяч особей. Учёные до сих пор не установили, насколько многочисленна их популяция на планете. Синие киты предпочитают океанские глубины. Летом они мигрируют по направлению к полюсам, в более прохладные воды, а зимой плывут обратно к экватору.

Киты довольно сообразительные животные. Невероятная понятливость и дружелюбный характер сделали их очень популярными и интересными объектами исследования. Учёные полагают, что мозг китов по своим возможностям похож на человеческий больше, чем мозг любого другого животного.

У синих китов есть одно удивительное качество: они — самые громкие животные на земле. Громкость издаваемых ими звуков достигает 188-ми децибелов, а это даже громче реактивного двигателя. Своего сородича

другое животное может услышать на дистанции, превышающей полторы тысячи километров. Это как от Москвы до Чёрного моря! В связи с такой особенностью киты могут легко общаться друг с другом на большом расстоянии.

Морские гиганты практически слепы, и у них отсутствует обоняние, поэтому звук для них является единственным средством общения с другими особями и единственным способом контакта с окружающим миром.

Иногда киты поют «песни». Смысл этих песен не до конца ясен. Длятся они до получаса. Сначала считали, что поют только самцы, но потом появились сведения, что поют и самки, когда общаются со своими малышами. Песни эти очень однообразны, состоят из пяти нот, повторяемых в разных комбинациях. Зато посторонние звуки киты не любят, и от шума кораблей или подводных лодок морской гигант может потерять ориентацию. Он не понимает, куда ему плыть, и его может выбросить волнами на берег. Умирающий кит зовёт на помощь, и все сородичи, услышавшие его, плывут к нему. Но в итоге некоторые из них тоже оказываются на берегу, и, если

люди не успевают столкнуть их в воду, они погибают.

На примере синих китов человек может получить для себя хороший урок. Никогда нельзя оставлять в беде того, кто нуждается в помощи.

Тюрьжкий Шоколад

Шёл 1972 год. Я мало что помню из того времени, ведь мне тогда было всего четыре года. Жили мы в деревне, и наш папа был пресвитером церкви. Помню, что собрания проходили каждый раз на новом месте, и мне всегда нравилось приходить к верующим в гости (именно так я воспринимала тогда богослужения). Но мне не нравилось, когда на собрания приходили дяденьки-милиционеры, которые отбирали Библии и песенники, много кричали, разгоняли верующих и забирали куда-то некоторых взрослых. Причём нашего папу забирали всегда. Папа возвращался домой поздно, очень уставший. Он рассказывал, как Бог давал ему мудрости отвечать на каверзные вопросы.

Однажды, после очередного разгона верующих, папа не вернулся. Я помню непонятное короткое слово «суд», которое всё чаще упоминали верующие в молитвах. Помню, как однажды мама пришла домой из этого суда с заплаканными глазами. Она устало села за стол, обхватив голову руками.

— Мамочка, что случилось? — обняла её за плечи Люба, моя старшая сестра.

А я вдруг вспомнила, что когда папа был с нами, мама никогда не плакала... Я обняла мамины колени и доверчиво спросила:

— Мама, а когда наш папа придёт?

Мама прижала ладони к глазам. Мне стало так грустно, я уткнулась лицом в мамину юбку и начала всхлипывать. И тут же почувствовала, как тёплая мамина рука гладит мои волосы.

— Танюшка, папа наш ещё много-много дней не вернётся домой. Его приговорили к трём годам лишения свободы.

— Но ведь он не преступник! — возмутилась Люба. — За что в тюрьму?

— За верность Богу, доченька, за то, что отказался церковь регистрировать и подчиняться безбожникам. Не плачьте, родненькие мои!

Ведь наш папа за дело Божье страдает, будем молиться, чтобы Бог помог ему остаться верным. И нас Господь не оставит...

1972

Так мы стали жить без папы.

Маму на работу не брали, а детские пособия от государства были небольшими. Жили мы бедно, кормились с огорода да держали десяток кур. Нас у матери было шестеро. Старшему, Григорию, исполнилось тогда только десять лет. Они с сестрой Любой были погодками. Близнецы Юля и Коля готовились пойти в первый класс. А младшему, Илюше, не было ещё и года.

На помощь к нам приехала баба Фрося, которая стирала бельё и готовила еду, пока мама со старшими детьми работала в огороде. Баба Фрося была скромной и молчаливой, но всегда справедливой и нежной, особенно с малышами. Маму баба Фрося очень жалела и ласково звала её доченькой. А молясь за нашего папу, со слезами просила у Бога милости для своего сыночка родимого, отца семьи и служителя церкви.

Бог никогда не оставлял нас. Приходили посылки от незнакомых нам верующих с продуктами и одеждой. Изредка маме передавали деньги от Совета родственников узников. Мы с мамой радостно благодарили Бога за Его заботу.

Самым большим счастьем для нас были письма от папы. Их всегда читали много раз за вечер. Сначала читала мама, потом бабушка, а потом по старшинству и все дети, которые умели читать.

И вот однажды мама нам сообщила:

— Слава Богу, детки, радость-то какая! Папе наконец-то разрешили свидание, и я смогу отвезти ему передачу. Правда, всего пять килограммов, но и это что-то!

Мы все очень обрадовались. Я хлопала в ладоши и глазами, полными неподдельного детского счастья, смотрела, как мама достала с самой нижней полки шкафа большую белую шаль-паутинку. Она была тонкой и лёгкой, с ажурным, очень красивым узором. Спустя много лет я поняла, что в тот день это была самая дорогая вещь в доме. Такая шаль считалась роскошью. Мама бережно погладила шаль, вздохнула, и вдруг по её щекам потекли непрошеные слёзы.

— Мама, мама! — бросилась к ней на шею Люба.

Мама быстро встала, вытерла слёзы и улыбнулась.

— Всё хорошо, детки, просто папу вспомнила, он же мне эту шаль подарил.

Одевшись, она поправила платок, ловко свернула шаль и сказала:

— Григорий, я ухожу. Ты за старшего!

Домой мама вернулась поздно и уже без шали, но из авоськи на стол она выложила удивительные вещи: сало, мёд, сливочное масло и... шоколадные плитки!

— Мама, ты всё это нам принесла? — взвизгнула я от восторга.

— Нет, моя радость, всё это для папы. Мёд нам передали верующие, а остальное я купила в сельпо.

Вместе с бабой Фросей они быстро перемешали масло и мёд. Получилась вкусная и питательная масса.

— Вот как хорошо, слава Богу! — приговаривала баба Фрося. — А то папке-то вашему совсем худо на зоне. Питание там слабое.

— Как это «слабое»? — неуверенно спросил Григорий.

— А так это, — печально отозвалась баба Фрося, — мало и невкусно там кормят. Зона-то, поди, не дом родной.

— Бабушка, а где эта зона? — доверчиво спросила я.

— Армавир... — тихо и с такой горечью произнесла баба Фрося, что меня будто холодной водой окатило.

Тем временем мама нарезала сало кусками, обернула его чистой тканью, а потом бумагой, сложила шоколад ровной стопкой.

Мой рот наполнялся слюной и в животе что-то бурчало. А я всё не могла отвести глаз от редких лакомств.

— Мама, а можно нам хоть немножко? — затаила я.

— Да ты что?! — воскликнула Люба. — Это всё только папе! Сама же слышала, что на зоне слабое питание, а папе нужно хорошо кушать. Я вот ничего у мамы не прошу, только бы папе больше досталось!

Люба тараторила быстро, горячо, уверенно. Однако она так и не отвела глаз от стола, на котором лежало десять плиток шоколада в яркой обёртке. Медовую массу мама положила на дно ящика, потом баба Фрося начала укладывать туда же сало, а шоколадки ждали своей очереди.

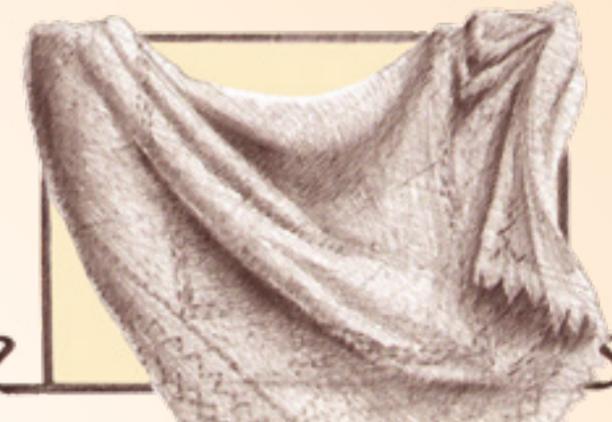
От близости желанного лакомства и невозможности его попробовать я жалобно заплакала:

— Мама, я тоже хочу шоколадку!

— Танечка, — подскочил ко мне Григорий, — пусть папа поест сладкого. Папе в сто раз хуже, чем нам.

А мама, обняв меня и крепко прижав к себе, погладила по голове:

— Не надо так. Она же совсем маленькая и ещё многого не понимает.

Григорий смутился и неловко тронул меня за рукав:

— Ладно, не плачь. Потом, когда у меня будет шоколадка, я отдам её тебе.

— Нет, я не хочу потом, мама, ну пожалуйста, неужели тебе жалко? Ведь их так много, — кивнула я на шоколадки, — дай нам хотя бы одну!

— Иди сюда, малышка, пойдём, я тебя умою, — потянула меня к себе Люба. Она смотрела на меня строгими, такими же серьёзными, как у мамы, глазами, в которых стояли слёзы.

Я подумала, что меня просто хотят увести от стола со сладостями, и заплакала ещё громче.

— Не надо, оставь её, Люба, — попросила мама.

Но как бы громко я ни плакала, мой тонкий детский слух уловил шелест фольги. Мгновенно оторвав от глаз кулачки, я увидела, как мама аккуратно взяла одну из вожделенных плиток и начала её распаковывать. По комнате тотчас поплыл тягучий аромат шоколада. Разломив плитку пополам и одну из половин на кубики, мама протянула мне маленький кусочек:

— На, доченька, бери, ешь.

Словно густой туман, комнату накрыла глухая тишина. Все замерли.

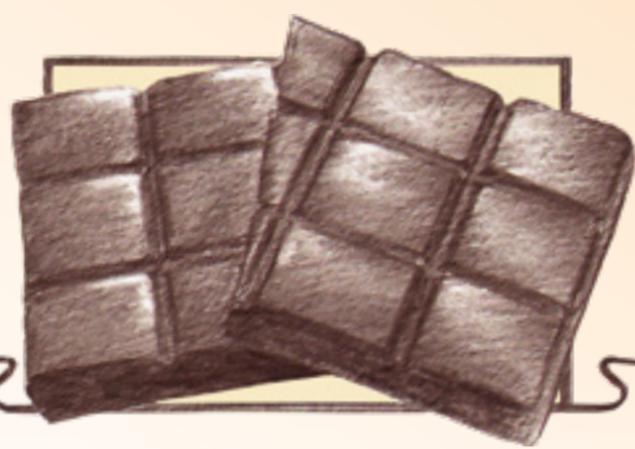
Мама смотрела на меня с теплом и любовью.

Её пальцы протягивали мне заветное лакомство. Я растерялась.

— А можно? — неуверенно переспросила я, косясь на старших детей.

— Конечно можно, я же даю, — ответила мама.

- А как же папа? — тихо спросила я.
- Ну что ж, папе просто достанется меньше.
- Меньше? На целых полплитки?
- Да, доченька, на целых полплитки.

Я перевела взгляд от манящего, блестящего, тёмного кусочка шоколада на маму. В её глазах было столько любви и боли, что я снова заплакала:

— Нет, мамочка! Не надо, я не буду это есть, отвези папе!

И тут наша комната словно ожила. Люба кинулась ко мне, крепко обняла и заплакала. Мама тяжело опустилась на стул, буквально выронив на стол шоколадный квадратик. Григорий обнял маму. А баба Фрося аккуратно положила шоколад обратно в фольгу и, ловко завернув его в обёртку, убрала все десять плиток в ящик. Хотя я так и не смогла попробовать желанное лакомство, я понимала, что поступила правильно. Впервые в жизни я почувствовала радость не оттого, что получила шоколадку, а оттого, что отказалась от неё. И эта радость быстро высушила мои слёзы. Только было немного горько оттого, что одну из плиток шоколада папа получит раскрытой и разломанной на кусочки.

Рано утром мама уехала в Армавир, на встречу с папой.

Вернулась мама быстро. Свидание папе не разрешили. Маме позволили только передать ему продукты и обменяться записками. Мама громко читала нам письмо от папы. Потом это же письмо читала баба Фрося. После неё папино послание перечитывали нам Григорий и Люба.

— Мама, а папа получил шоколад? — спросила я вечером перед сном.

— Да, родная, получил.

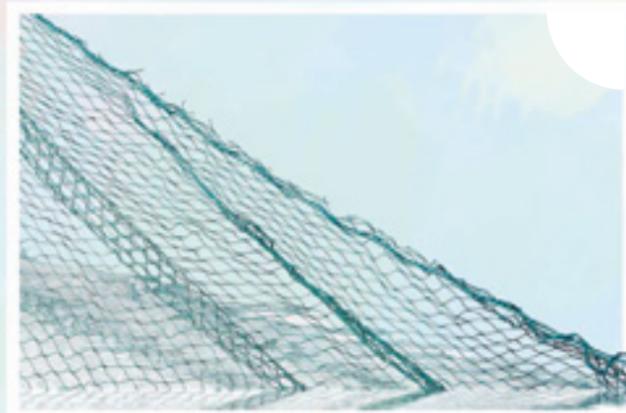
— Все десять плиток?

— Все десять плиток.

— А он не спросил, почему одна плитка была раскрытой? Он не огорчился, что я хотела съесть его шоколадку?

— Мне велели развернуть все шоколадки, а приёмщик передач разломал их на кусочки, и даже сало протыкал длинной иголкой, чтобы проверить, не передали ли в продуктах чего-нибудь запрещённого. Папа даже не узнал, что одна плитка была раскрыта дома.

И мне стало так хорошо и спокойно от этих слов! Мама нежно погладила меня по голове и долго баюкала, пока я не уснула сладким и безмятежным детским сном.

Кто

ХОЗЯИН?

Вспомни, кому это принадлежит, и впиши в уголок картинки нужную цифру.

1. Андрей
2. Самсон
3. Павел
4. Иосафат
5. Соломон
6. Артаксеркс
7. Валаам
8. Навуфей
9. Ревекка

Одежда

? Почему люди носят одежду и как давно она появилась? Связана ли одежда с возникновением холода на земле или её носили и в жаркое время?

На эти вопросы отвечает Библия

Первая одежда человека была из обычных смоковых листьев, которыми прикрылись Адам и Ева после того, как нарушили повеление Бога и поели плоды с дерева познания добра и зла.

У них тогда «открылись глаза», и они поняли, что наги, поэтому спрятали наготу под листья. Бог решил проблему с одеждой более практичным способом. Он одел Адама и Еву в кожаные одежды.

С тех пор одежда из шкуры животных вошла в повседневный обиход людей. Её стали носить и в жару, и в холод.

Позже, когда люди научились изготавливать ткань, у них появилась одежда из разных материалов. Что удивительно, одеяния израильтян не менялись тысячелетиями. А это значит, что Иисус и Его ученики могли носить почти такую же одежду, как Авраам, Исаак, Иаков и его сыновья. И до сих пор люди часто носят очень похожие одеяния, потому что такая одежда лучше всего подходит для жаркого климата Ближнего и Среднего Востока.

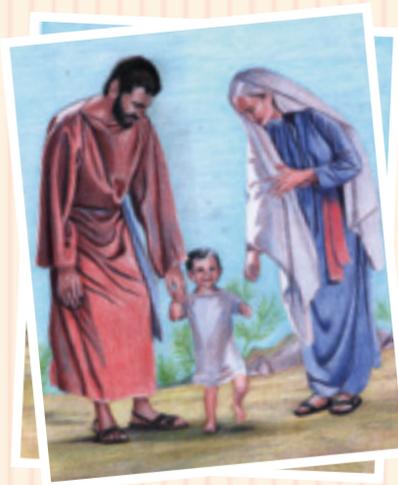

Когда общество стало делиться на бедных и богатых, это начало выражаться и в одеянии. У бедного человека была простая одежда из овечьей или козьей шерсти, одна на все случаи жизни. А у богатых имелись зимние и летние одеяния, одежда для работы и для отдыха. Её шили из разных материалов: шерсти, льна, хлопка или шёлка. Некоторые зажиточные израильтяне тратили на одежду много денег, а бедные переживали, где достать средства хотя бы на необходимую одежду. Поэтому Иисус говорил им: «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!» (Матфея 6, 28–30).

Нижняя одежда

С древних времён одежда стала делиться на верхнюю и нижнюю. В качестве нижней одежды использовалась набедренная повязка либо короткая юбка.

И мужчины и женщины сверху надевали тунику из шерстяной или льняной ткани. Туника чаще всего была очень простого покроя: длинный кусок материи складывался вдвое и сшивался по краям. Наверху оставляли отверстия для рук и делали разрез для головы. Но бывали туники и с длинными рукавами. Такие туники шились на заказ для богатых людей. Мужская туника доходила до икр и могла быть красной, жёлтой, чёрной или полосатой. Женская туника достигала щиколоток. Обычно она была синего цвета и украшалась вышивкой. В каждом населённом пункте были свои традиционные образцы вышивки. По ней женщины легко определяли, откуда приехала та или иная гостья.

Тунику стягивали поясом. Пояс представлял собой кусок материи, сложенный в несколько раз. Внутри него образовывалось что-то вроде кармана, где носили монеты и другие мелочи. У богатых людей пояс был кожаным и в него могли заворачивать кинжал или даже чернильницу. В библейские времена специальной ночной одежды не было, люди просто снимали на ночь пояса и ложились спать в туниках.

Если человеку требовалась свобода движений во время работы, он укорачивал тунику, подтыкая её края под пояс. Это называлось «препоясать чресла» и означало «готовность к действию». Женщина могла использовать свой подол в качестве сумки, могла в нём даже носить зерно.

Верхняя одежда

Выходя на улицу, богатые люди надевали поверх туники халат. У мужчин он был обычно до колен, полосатый или клетчатый. В зависимости от погоды он мог быть тонким или толстым. Женские халаты были длинными и богато украшались драгоценными камнями и вышивкой с золотыми нитями. Дома богачи тоже ходили в лёгких халатах из шёлковой ткани. Халат с длинными рукавами, сшитый из разных кусков материи, носили богатые люди и будущие вожди племён. Такую одежду подарил Иосифу отец.

Во времена нового завета в качестве верхней одежды использовался гиматий — шерстяной плащ, сшитый из двух кусков ткани, чаще всего в светло- или тёмно-коричневую полоску. Ткань сшивалась на плечах и по бокам, оставляя прорезы для рук.

Пастуху, которому приходилось ночевать на открытом воздухе, гиматий служил и одеялом, и подстилкой. Для бедняка единственный плащ имел огромное значение.

Головной убор

В Палестине каждому человеку необходим был и головной убор. Обычно для защиты от солнца использовался квадратный кусок материи, сложенный по диагонали. Платок надевали на голову складкой на лоб и обвязывали сплетённым из шерсти пояском. Свисавшие края платка защищали шею.

Обувь

Самая распространённая обувь библейских времён — сандалии. Хотя бедняки нередко ходили босиком. Самая простейшая модель сандалий была такая: вырезался кусок кожи того же размера, что и ступня, длинный кожаный ремешок пропускали между большим и указательным пальцами ног и завязывали вокруг лодыжки.

У большинства людей одежды было немного, поэтому её старались сделать как можно более долговечной. Одежду тщательно стирали мылом, изготовленным из оливкового масла, и полоскали в бурных потоках реки.

Для священников одежда шилась отдельно и отличалась от остальной. В книге Исход Бог дал указания Моисею о том, как должны были быть облачены священники при служении в скинии, и израильский народ свято выполнял указания Бога.

Одежда дошла и до наших времён. Одеваются все, и верующие, и неверующие люди. Верующих людей Бог относит к священникам: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел...» (1 Петра 2, 9). Следовательно, наша одежда обязана отличаться от мирской. Она должна быть приличной, скромной и целомудренной.

К одежде нужно бережно относиться, потому что родители тратят на её приобретение немалые деньги. Не нужно постоянно думать о том, что у вас нет той или иной вещи, ведь о вас печётся Сам Бог и пошлёт вам всё необходимое в своё время.

Беспризорники

В одном из номеров журнала «Светильник» была напечатана статья «Репортаж из колодца», в которой рассказывалось о детях-беспризорниках. О них не заботились родители, у этих детей не было хорошей одежды и пищи, они жили не в доме, а в подвалах и колодцах теплотрасс. Больше десяти лет о них проявляли заботу верующие: они навещали этих детей в их жилищах, кормили, говорили о Боге, приглашали на богослужение.

Один христианин, который больше десятка лет занимался с беспризорниками, рассказывал, что, когда эти мальчики и девочки приходили в Дом молитвы, их поведение часто было бесцеремонным и вызывающим. Они могли нагрубить кому угодно, могли заснуть во время богослужения и при этом громко храпеть. От них дурно пахло, давно не мытые волосы кишели вшами. Некоторые беспризорники в гардеробе Дома молитвы проверяли карманы курток и пальто, вытаскивая оттуда деньги.

Немногие из взрослых находили в себе силы полюбить таких детей, только Господь помогал им в этом. После продолжительного общения с беспризорниками становилось понятно, что за грубостью прятались обида и страдание, что они тоже, как и все дети, нуждались в понимании, ласке и любви. Эту любовь им дарили христиане. Они оказывали им посильную помощь в улучшении условий жизни. Дети начинали верить во всемогущество Бога, получать ответы на молитвы. Повзрослевшие беспризорники обзаводились семьями и продолжали в своих семьях читать Слово Божье и молиться. Они приходили в Дом молитвы на христианские праздники уже со своими жёнами и детьми.

В последние годы христиане, которые занимались с беспризорниками, стали свидетелями их искренних покаяний. К их большому сожалению, трое из беспризорников покаялись только перед смертью. Один из этих трёх оказался «долгожителем». Умер он в 23 года. Звали его Эдиком. Вот как это произошло.

Однажды в квартире тёти Нади раздался телефонный звонок.

— Тётя Надя, это Вовчик. Эдик умирает. У него тубоВИЧ. Скажи дяде Ване, пусть съездит к нему, помолится, вдруг Эдик покается.

Тётя Надя исполнила просьбу Вовчика, позвонила Ивану.

Дяде Ване стало тяжело на сердце от этой печальной новости. Только вчера он молился об Эдике. С ним дядя Ваня познакомился, когда тот был ещё подростком. С тех пор прошло уже десять лет. Когда Эдик и его друзья были младше, дядя Ваня навещал их после работы почти каждый вечер, чтобы покормить. Он спускался к ним в колодцы и подвалы, рассказывал им о Боге, помогал чем мог.

Прошли годы, ребята стали старше и в дяде Ване не особо стали нуждаться. Они звонили ему только тогда, когда кому-то из них было очень плохо, как сегодня Эдику.

На следующий день после звонка дядя Ваня с сёстрами-христианками поехали к Эдику, встретившись на автобусной остановке с двумя его друзьями — Вовчиком и Максимом. Они были из той же группировки ребят, с которыми христиане познакомились десяток лет назад, когда ребята населяли подвалы, заброшенные или

полусгоревшие дома, колодцы теплосети, которые были расположены возле центрального городского рынка.

Ребята проводили христиан до одноэтажного недостроенного дома, где жил Эдик со своей матерью. Вместе зашли на веранду, в углу которой стоял огромный кричащий телевизор, рядом громоздилась грязная плитка, на ней — сковорода с зажатой до черноты картошкой.

Открыли дверь в дом. В нос ударил смрадный запах разлагающегося тела. Даже выдавшие виды Вовчик с Максимом приподняли воротники спортивных курток и стали дышать сквозь ткань. У стены стоял засаленный диван с вытянувшимся на нём худым человеком, которого то и дело сотрясал истощный сухой кашель. Это был Эдик, у него на фоне СПИДа развился туберкулёз. Вовчик с Максимом подойти к другу так и не решились, поэтому остались у порога.

Голова Эдика была накрыта полотенцем, как оказалось — от мух. Их было очень много — крупные зелёные насекомые в изобилии летали по комнате, наполняя пространство каким-то зловещим звоном.

Дядя Ваня подошёл к дивану и снял с лица Эдика полотенце. Несмотря на

чрезмерную худобу и редкую юношескую поросль на лице, в больном всё-таки можно было узнать прежнего Эдика. Красивый голубоглазый парень превратился в настоящий скелет, обтянутый кожей. Гноящиеся глаза, потрескавшиеся губы... Он выглядел сморщенным стариком. Дяде Ване вспомнилась услышанная в юности фраза: «У смерти не детское лицо». И сердце сдавила мрачная мысль: «Ещё один уходит».

— Дядя Ваня, привет! А ты как узнал, что я тут болею? — хрипло проговорил Эдик.

— Твой друг Володя сообщил.
— Эдик, привет! Это мы, —

*Вход в их «квартиру».
Эдик — на заднем плане.*

*Групповое фото наших ребят из группировки центрального рынка.
Эдик — на заднем плане справа.*

послышалось с порога.

Дядя Ваня оглянулся на Вовчика с Максимом и со слезами на глазах сдавленным голосом произнёс:

— Что же вы боитесь? Пройдите, посмотрите в лицо вашему другу, до чего доводит наркомания!

Дядя Ваня запнулся.

— Сколько лет мы вас предостерегали от греха, предупреждали о последствиях. Ведь вы все неплохо знаете Евангелие. Умеете молиться, верите в Иисуса. Неужели правы те, кто говорит, что таких, как вы, может привести к покаянию только смерть?

Дядя Ваня тяжело вздохнул и с отчаянием продолжил:

— А ведь вы и сейчас всё это всерьёз не воспринимаете! Думаете, что мучения пройдут мимо вас? Как я устал от этих жутких смертей! Идите, посмотрите на вашего друга, может быть, это вас остановит! Ты никогда не думал, Володя, что можешь быть следующим?

— Задумывался, дядь Вань, — не трогаясь с места, угрюмо проговорил Вовчик. Он тоже наркоманил. — Только не надо каркать, а то и взаправду так случится! — резковато и испуганно добавил он.

— Я не каркаю, дорогие вы мои! Просто в Библии сказано, что возмездие за грех — смерть. И этот закон непреложен! Давайте помолимся.

Все с готовностью согласились. Дядя Ваня спросил у Эдика:

— Эдик, а ты хочешь помолиться?

— Хочу, только разучился уже.

— Хорошо, старайся повторять за мной, — сказал дядя Ваня и начал молиться Богу, чтобы Господь простил грехи Эдика.

Многолетнее употребление наркотиков явно сказалось на умственных способностях Эдика, который путал слова, стараясь громко и с усердием повторять молитву за дядей Ваней. Прозвучало заключительное «аминь».

После молитвы Вовчик с Максимом

ушли в магазин, за соком для больного друга, а Эдик стал настойчиво просить воды. Его мать боялась давать ему питьё и еду, потому что пища и вода в кишечнике совершенно не задерживались, провоцируя приступы диареи, а водопровода в доме не было.

Дядя Ваня достал влажные салфетки и стал бережно очищать запёкшиеся губы Эдика и протирать лицо. Высокая температура не покидала его уже несколько недель.

— Дядь Вань, ты прям как отец родной, — с искренней благодарностью проговорил Эдик.

У дяди Вани появилась мысль: «Знал бы ты, как тяжело мне здесь находиться и как хочется выбежать отсюда, как это сделали твои друзья. Как хочется вдохнуть полной грудью свежий весенний воздух, помыть с мылом руки, и даже — рот и нос!»

Мать Эдика зашла в комнату и сказала, что два раза вызывала скорую помощь, но в больницу его не забрали, потому что у него нет паспорта и медицинского полиса. Этих документов у Эдика не было никогда.

Дядя Ваня решил позвонить в службу скорой помощи. В трубке послышался женский голос:

— А какие у него симптомы?

Дядя Ваня перечислил, что у больного очень высокая температура, диарея, боли в суставах, животе... И закончил:

— Мы будем вас ждать, спасибо.

Ко двору вскоре подъехала машина с большим красным крестом. В дом зашли врач и медсестра в белых халатах.

Врач, оценив обстановку, вынесла заключение:

— Мы ничего не сможем сделать. Поймите, у нас такого безнадёжного больного без документов даже в больницу не примут!

Раскрыв сундучок с медикаментами, она поинтересовалась:

— Кстати, а кто вы ему?

— Никто. Мы верующие люди. Эдика знаем давно и хотим ему помочь.

Врач удивлённо промолчала, надела резиновые перчатки и начала обследование. Давление — 100 на 80, температура — 40 и 3. Оказалось, что, ко всему прочему, тело Эдика покрыто ярко-малиновыми пятнами, это был верный признак венерического заболевания.

Медсестра, поставив Эдику укол, спросила:

— Ты хоть сам-то в больницу хочешь ехать?

— Хочет, — настойчиво ответил вместо Эдика дядя Ваня и, обращаясь к медперсоналу, с болью в голосе подытожил:

— Поймите, ведь это — живая душа! Ведь он тоже человек и нуждается в помощи! Я настаиваю на его госпитализации.

— Одевайте! — в сердцах бросила медсестра.

После того как Эдик был готов, верующие на носилках перенесли его в машину. После этого сёстры-христианки пошли на остановку, а дядя Ваня сел рядом с Эдиком как сопровождающий.

Водитель включил сирену, и скорая помощь резко устремилась вперёд, пролетая перекрёстки на красный свет светофоров.

Покачиваясь на носилках, Эдик стал громко спрашивать, как ему нужно молиться. Дядя Ваня терпеливо повторял,

а у самого на душе было тяжело. Он понимал, что это последний путь ещё одного мальчишки с центрального рынка...

На фоне синеющего неба показались серые длинные корпуса городской инфекционной больницы. Машина остановилась. Эдика переложили на каталку. На этот раз помог водитель скорой помощи. Врач и медсестра скорой непрерывно уверяли, что больного без документов не примут.

Непрестанно молясь, чтобы Господь помог, дядя Ваня повёз Эдика в приёмный покой. В холл вышла дежурный доктор в белом халате и в маске. Спокойным голосом она попросила своего ассистента измерить больному давление и температуру.

Доктор начала задавать дяде Ване вопросы о больном и оформлять документы. Её поведение и голос были спокойными и доброжелательными.

Дядя Ваня немного ободрился и рассказал всё, что знал об Эдике, как с ним познакомился и почему именно он сопровождал его в больницу.

Пока доктор заполняла бумаги, дядя Ваня вдруг вспомнил, как много лет назад ему пришлось срочно привезти в эту больницу из университета, где он работал, японского студента с пищевым отравлением. Тогда дядя Ваня познакомился с приятной женщиной, которая в то время работала заместителем главного врача. Она помогла студенту, ни слова не понимавшему по-русски.

Вспомнив её имя, дядя Ваня спросил у доктора:

— У вас здесь раньше работала Мария Робертовна. Вы случайно не знаете, где она теперь?

Доктор внимательно взглянула на него и ответила, продолжая заполнять карту приёма больного:

— Верно, работала. Это я и есть. Я вас сразу узнала.

— Простите, а я вас в маске и не узнал.

— Ничего страшного. А я уже на

пенсии, с той должности ушла. Но ещё подрабатываю здесь, в приёмном покое, сегодня как раз моя смена.

Дядя Ваня был поражён и внутренне поблагодарил Бога за такой чудесный и скорый ответ! Теперь напряжённость спала окончательно. Он был уверен, что эта милая и добрая женщина не оставит больного Эдика в беде.

— Эдик, наверное, скоро умрёт? — спросил дядя Ваня Марию Робертовну.

— Да, вы правы, шансов у него почти никаких нет, — с сожалением сказала она. — Опасных болезней — целый букет. На фоне СПИДа это смертельно. Обычно больного туберкулёзом мы направляем в туберкулёзное отделение, больного гепатитом — в инфекционное, больного венерическим заболеванием — в вендиспансер. А здесь — всё вместе! Наверняка и менингит уже начался. А ведь ему самое время создавать семью, воспитывать детей, а он умрёт скоро! — кивнув в сторону Эдика, в сердцах проговорила доктор. — И у него всего один зуб на верхней челюсти. Выглядит как старик! Это же просто самогеноцид какой-то! Ведь такие, как он, сами себя убивают. Знают же и всё равно не останавливаются! Силы воли у них нет. И желания остановиться тоже нет! Я не могу с этим мириться! У нас 40 мест в реанимации и около 50-ти — в общем отделении. И все они забиты такими вот, как этот!

Закончив заполнять медкарту, она прокричала в коридор:

— Таня! Он готов!

А дяде Ване Мария Робертовна протянула на узкой бумажной полоске номер своего сотового телефона.

— На всякий случай. Вдруг ещё пригодится.

После ухода доктора подошли две медсестры с тазиком воды. Поверхность воды пенилась и бурлила — на дне таза с шипением растворялись какие-то таблетки.

Рыженькая медсестра, презрительно сморщив нос, предложила дяде Ване:

— Простите, а вы не смогли бы его раздеть и обмыть, прямо здесь, на каталке — в душ и ванную ему нельзя.

Дядя Ваня попросил халат, губку, марлю, мыло.

— Если можно, помойте его тщательно, а то у нас в отделение его могут не принять, — попросила она и посоветовала:

— Вы вначале смочите обильно, чтобы всё налипшее отмокло, а уж потом мойте. Медсёстры ушли.

Дядя Ваня перевернул Эдика на бок и стал мыть. На его спине жуткими пятнами выступали бурые пролежни. От каждого прикосновения Эдик вскрикивал от боли, потому что кожа от болезни стала чувствительной. «До чего ж ты себя довёл, милый? Тебе всего-то 23, жить бы ещё да жить, а ты уже одной ногой в могиле», — с болью в сердце подумал дядя Ваня.

Медсёстры вскоре вернулись, и рыженькая, зажав нос от неприятного запаха, сказала:

— А с такими ногтями у нас его тоже не возьмут... Если не трудно, подстригите, пожалуйста!

— Хорошо.

Дядя Ваня взял огромные ножницы.

— Ой! Как мне больно! — закричал Эдик, а потом обиженно добавил: — Себе-то, наверное, дядь Вань, ногти стрижёшь по-другому.

Колкость беспомощного Эдика рассмешила дядю Ваню. Улыбнувшись в ответ, он стал стричь аккуратнее. Когда всё было закончено, дядя Ваня переодел Эдика в чистое больничное бельё и помолился. Эдик старательно, изо всех сил, повторял за ним слова молитвы.

— Эдик, не переставай молиться Богу. Как можешь, в простоте, — это сейчас для тебя самое важное.

— Дядь Вань, я обязательно буду молиться.

Дядя Ваня попрощался и устало вышел на улицу. Его внимание привлекла надпись на бетонном заборе больницы. Крупные белые буквы словно плакали потёками краски: «Любимые! Выздоровливайте!»

Сердце сдавила тяжесть, и на глаза навернулись слёзы: «Ещё одна жуткая смерть. Он уже не выздоровеет. Дал бы Бог, чтобы душа его была спасена и оказалась в объятиях Господа. Как жаль, что очень много таких людей, никому не нужных. Мария Робертовна сказала, что у них нет силы воли и желания остановиться. А ведь они просто рабы греха, и освободить их может только Христос! Как хотелось бы, чтобы они смогли услышать о Боге и покаяться».

Эдик умер на следующий день. Так закончилась его короткая жизнь. Хочется надеяться, что Эдик не забыл о своём обещании помолиться Богу перед смертью и что его душа находится у Господа. Эдик так хотел этого в последние часы своей земной жизни!

Тяжело, горько и больно писать о смерти молодого ещё человека. И вам, наши юные друзья, нелегко об этом читать. Пусть эта печальная история поможет вам понять, как опасен грех и как каждому человеку нужен Бог. Дорогие читатели! Не медлите с покаянием, как Эдик! Ведь есть случаи, когда те, кто откладывает покаяние до последнего, так и не смогли в последний момент попросить прощения у Господа.

Бог подарил вам большое счастье: родиться в христианской семье, с детства слышать Слово Божье. Дорожите милостью Божьей! Доверьте свою юную жизнь добрым рукам Христа, сохраните свою совесть чистой, будьте светом и добрым примером для ближних, познайте настоящее счастье в служении Христу, чтобы предстать перед Ним в конце земного пути с добрыми плодами!

Кадеты

Жаркое лето осталось позади. Даник Лесин, большеглазый темноволосый мальчик из большой христианской семьи, перешёл в шестой класс. Данику нравилось учиться, и учился он хорошо, хотя по некоторым предметам, он и сам не знал почему, оценки ему явно завышали. Одноклассники уважительно называли его «Голова» — то ли за то, что Даник был рослым, чуть ли не на голову выше остальных, то ли за его находчивость, умение рассказывать интересные истории, удачно пошутить.

Все мальчики в классе мечтали с ним дружить. Особенно добивался этого Денис Капелькин. Он всё время ходил за Даником, преданно заглядывая ему в глаза, старался угостить жевательной резинкой или чипсами, часто напоминал одноклассникам, что он и Голова — друзья. Капелькин был мал ростом для своих двенадцати лет, голос у него был тонкий, как у девочки, учился он средне.

В классе, ещё пахнущем недавним ремонтом, слышался гул голосов. Мальчики и девочки делились летними впечатлениями, вспоминая пролетевшие каникулы. Никто из них даже и не заметил, как открылась дверь и в класс вошла классный руководитель Валентина Егоровна. Это была

немолодая уже женщина с мелированными волосами в строгом облегающем костюме. Лицо её было строгим, серые прищуренные глаза смотрели с притворной приветливостью, между подведённых чёрной краской бровей залегла глубокая складка. В руках Валентина Егоровна держала классный журнал в новой синей обложке.

— Что вы шумите? Вы что, звонка не слышали? Успокойтесь! — почти крикнула она с порога, и её брови сдвинулись у переносицы.

Все быстро заняли свои места.

— Здравствуйте, садитесь, — более ровным голосом сказала учительница, подходя к своему столу.

Положив журнал, Валентина Егоровна окинула учеников внимательным взглядом и слегка улыбнулась.

— Как вы за лето повзрослели! Загорели, отдохнули, так ведь? А девочки совсем красавицами стали! Вас просто не узнать!

Учительница снова улыбнулась и уже громче объявила:

— А теперь я хочу сообщить вам радостную новость. С этого учебного года наш класс будет кадетским.

В классе повисла глубокая тишина, все внимательно посмотрели на Валентину Егоровну. А она, удобно усевшись на стул, продолжила свою речь:

— Это просто здорово, что именно нашему шестому классу отдел образования района оказал такое доверие. Вам сошьют специальную форму. Потом будет посвящение в кадеты. Вы вступите в большую дружную семью защитников отечества, патриотов, по-

клянётесь быть верными отеческим преданиям. Но к этому нужно тщательно подготовиться.

Понизив голос, Валентина Егоровна сказала:

— Во-первых, мы с вами выучим клятву, кадетскую песню, правила поведения. Во-вторых, нужно обратить внимание на учёбу. Кадет — пример во всём, в том числе и в успеваемости. Мальчики и девочки, беритесь за ум!

Взгляд учительницы снова скользнул по классу.

— Вы знаете, что среди вас много хорошистов, но нет ни одного отличника. Вот тебе, Лесин, — посмотрела она на Даника, — нужно срочно подтянуться в этом году и исправить четвёрку по русскому языку на пятёрку. Ты будешь у нас отличником и командиром, — закончила она тоном, не допускающим возражения.

Даник опустил глаза. Несмотря на то, что он любил шутить с товарищами и был лидером среди них, он задумался: «Как она сказала? Поклянётесь? Но ведь это грех». Даник молчал, не поднимая глаз.

Уверенным и твёрдым голосом учительница продолжила:

— Мы докажем всей школе, что наш класс — лучший. Каждое утро перед уроками — зарядка, маршировка по коридору с нашей кадетской песней. Ну и, конечно, дисциплина прежде всего: строим на завтрак, строим на обед. Представляете, как это красиво!

Глаза Валентины Егоровны блестяли от удовольствия, её тонкие брови взметнулись вверх.

— Ну как, мои будущие кадеты? Покажем всем, на что мы способны? Да, ещё забыла сказать. Когда будет посвящение в кадеты, у нас будет красивый танец — вальс. Мальчик с девочкой — как настоящие взрослые. Я даже уже поделила вас на пары.

Ребята радостно зашумели. Только Даник молчал. Он слегка усмехнулся, когда Денис обернулся к нему и, широко улыбаясь, довольно покивал головой, словно хотел этим сказать: я рад за тебя, друг! Тут же лицо учительницы приняло обычное строгое выражение, и она сказала:

— А теперь, внимание, приступаем к первому в этом году уроку русского языка.

Все притихли. Урок, наконец-то, начался. Валентина Егоровна попросила учеников открыть учебники и стала что-то объяснять. Даник рассеянно смотрел на неё, не слушая. Он вспомнил, как ровно год назад, когда его перевели в эту школу, в первый раз вошёл в этот класс, познакомился с одноклассниками. Ему здесь понравилось: ребята хорошие, школа большая, учителя тоже неплохие. Вот только классный руководитель... Даник побаивался её строгого голоса, который иногда переходил в крик. Учительница была очень требовательной. И, кроме того, она почему-то не любила верующих. Это Даник понял, когда услышал, как она насмешливо назвала собрание христиан сектой. Мама рассказывала Данику, что Валентина Егоровна учила и её в старших классах русскому языку и литературе. И, несмотря на непри-

язнь учительницы, маме нравились предметы, которые преподавала Валентина Егоровна, и её умение заинтересовать учеников.

— Почему ты не любишь русский язык? По-моему, учительница завышает тебе оценки. У тебя стоит четвёрка, а здесь одни ошибки. За эту работу и тройки много, — говорила мама, просматривая самостоятельную работу сына по русскому языку, которую он выполнял на уроке.

— Я, наверное, англичанин, — отшучивался Даник. — По английскому у меня пять...

Его мысли прервал строгий голос учительницы:

— Даниил, ты со мной согласен? Валентина Егоровна, оказывается, задала какой-то вопрос.

— Не знаю, — ответил он растерянно.

— Будь внимателен, — сказала учительница.

Тут прозвенел звонок, и спустя пару минут будущие кадеты высыпали из класса в коридор.

— Тише, тише, — напутствовала их вслед Валентина Егоровна. — Не забудьте, вы теперь — пример для всех.

Всю первую четверть Даник старался вести себя примерно. Время пролетело очень быстро. В суете он не заметил, как наступили последние дни октября. Клёны в школьном дворе начали сбрасывать на землю свою яркую листву. Разноцветные астры на клумбе постепенно превратились в бурые сухоцветы. В одно хмурое утро Даник шагал по плиткам тротуара. Под ногами шуршали опавшие листья. «Вот уже

и конец четверти скоро, потом каникулы», — подумал мальчик, подходя к двери школы. Увидев Валентину Егоровну, тщательно вытиравшую обувь о резиновый коврик, Даник вежливо с ней поздоровался.

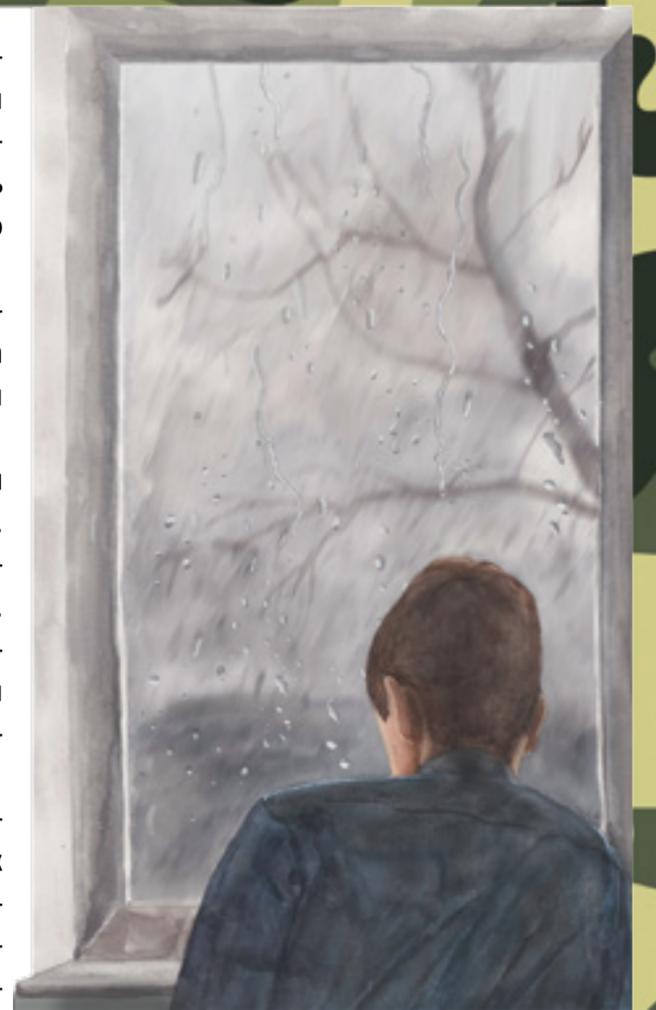
— Здравствуй, Лесин, — ответила учительница. — Я бы очень хотела увидеть твою маму. Передай ей, чтобы она завтра зашла в школу.

— Хорошо, я передам, — ответил мальчик, и сердце его забилось чаще.

«Что там она ещё придумала? Будет, наверное, про учёбу говорить. По русскому в четверти опять выходит четвёрка. Ну не получается у меня стать отличником!» — возмущённо подумал Даник.

На следующий день мама с Даником пришли в школу вместе. Даник проводил маму к учительнице. Валентина Егоровна приветливо поздоровалась с мамой, назвав её по имени-отчеству. Разговор проходил в холле около пальм, драцен и бегоний, стоящих в больших вазонах прямо на полу. Данику очень захотелось услышать, о чём говорит учительница с мамой. Он незаметно остановился за большим кустом драцены. Он знал, что подслушивать нехорошо, но любопытство взяло верх. Даник прислушался. Речь шла, конечно же, о нём.

— Не старается, не хочет. Очень способный, но ленивый. Иногда даже домашнюю работу не делает, — донёсся до мальчика негромкий, но, как всегда, уверенный и строгий голос Валентины Егоровны. — Я вижу, что вы смотрите его дневник — подписи родителей есть. Заметили, что по русско-

му языку много четвёрок?

— Конечно, видела, — ответила мама немного виновато, — домашнее задание, правда, не всегда проверяю, не успеваю.

— Я вот что хотела сказать, — продолжила учительница, уже тише, — наш класс с этого года будет кадетским, а у нас ни одного отличника. Дети хорошие, активные, но с учёбой не совсем получается.

Валентина Егоровна вздохнула.

— А из всех учеников только у вашего сына одна четвёрка, у других по две и больше, да и те с натяжкой... Не хотят учиться.

Совсем тихо она добавила:

— Данила мы сможем вывести в отличники. За эту четверть натянем пятёрку, да и дальше будем тянуть. Вы только помогите нам. Дома его поругайте, позанимайтесь, ошибки в домашнем задании исправляйте.

— Позаниматься я постараюсь, — слышался негромкий мамин голос, — а вот завышать оценки и вытягивать в отличники Даника не нужно. Ставьте то, что заслужил. Кстати, а что вы сказали насчёт кадетства? Я не совсем поняла, — добавила мама.

Учительница, не ответив на вопрос мамы, торопливо сказала:

— Хорошо, хорошо, позанимайтесь, пожалуйста, с Даником. До свидания, слышите — звонок?

Мама сказала твёрдо:

— Валентина Егоровна, мы, верующие — люди мирные, не воинственные. А кадеты — это будущие воины. Эта организация не для нас и не для наших детей.

— Вы всё так всерьёз воспринимаете? Это же только формально, чтоб чем-то занять детей. Да это ещё и не точно, — учительнице явно хотелось побыстрее избавиться от посетительницы. — Может быть, и не будет класс кадетским. С такой-то учёбой, с таким поведением...

Не договорив и на ходу попрощавшись, Валентина Егоровна быстрыми шагами направилась в класс. Даник увидел, как мама, покачив головой, пошла к выходу. Стремглав он помчался на второй этаж на урок математики.

Четверть закончилась. В таблице успеваемости Даника среди кругленьких симпатичных пятёрок костлявой

худышкой выделялась некрасивая четвёрка. Отличником он так и не стал. Подвёл контрольный четвертной диктант.

Каникулы были для Даника не слишком весёлыми. Мелкий дождь стучал по металлическому подоконнику. Небо было тёмное, хмурое, неласковое. Старая яблоня у окна уныло раскачивалась, повинувшись порывам ветра. Нерадостно и мрачно было на душе у Даника. «Скуотища», — думал он, сидя за письменным столом. Перед ним лежала книга, которую он тайком от мамы взял в библиотеке. Это был увлекательный роман о пиратах. Но захватывающие приключения не могли отвлечь мальчика от одной мысли, не дававшей покоя. Ему нужно сегодня к одиннадцати часам явиться в школу на репетицию. Мама не должна была об этом знать — это он твёрдо решил. Но предупредить маму о том, что он собирается уйти, нужно, в их семье это закон. Что же придумать?

Даник закрыл книгу, сунул её в ящик стола и, порывисто встав со стула, пошёл на кухню. Мама хлопотала у плиты.

— Мам, — притворно бодрым голосом начал Даник, — мне нужно в школу к одиннадцати.

— Зачем? — удивилась мама. — Сейчас же каникулы. Ты что, соскучился по учёбе?

— Нет... Егоровна сказала... по русскому позаниматься, — на ходу соврал Даник.

— По-моему, я тоже с тобой неплохо занимаюсь. Открывай тетрадь,

сейчас напишем небольшой диктант, — сказала мама.

— Давай попозже.

Даник недовольно отвернулся, сердито нахмурившись. У них сегодня генеральная репетиция посвящения в кадеты. Через неделю, после каникул, они будут надевать новенькую форму. Даник вспомнил последнюю репетицию. Он очень уверенно, чётко и громко отдавал команды классу: «Направо! Налево! Кругом! Шагом марш! Песню запевай!» И все вместе они поют, причём он громче всех, ведь у него хороший слух и голос:

«Кадетский класс! Ты самый лучший! Кадетский класс, ты всех дружнее!..»

Потом все дают кадетскую клятву... кроме него. Нет, клясться он всё-таки не будет. Каждый кадет произносит фразу из текста клятвы, а все вместе трижды повторяют: «Клянёмся!» А он, Даник, может здесь промолчать. «Клясться — грех, не буду», — решил он. После клятвы — вальс. Валентина Егоровна выбрала для него Юлю Чиркину, самую симпатичную и высокую девочку в классе. «Какая красивая пара!» — восхищалась учительница, глядя на них. Она терпеливо показывала будущим кадетам все движения этого танца, а её ученики старательно повторяли за ней. Потом звучала мелодичная, плавная музыка, пары одна за другой выходили вперёд. Но первыми, конечно, были Даник с Юлей.

Репетиция была в последний день перед каникулами. Шестиклассники отучились всего два урока, потом им выставили оценки в дневники. А всё остальное время было посвящено

подготовке к предстоящему событию.

Сегодня всё должно было повториться, но, по словам Валентины Егоровны, намного лучше. Она муштровала своих кадетов не хуже военачальника. Данику она намекнула, что маме не обязательно обо всём знать, если он хочет быть командиром кадетского класса. Даник решил послушаться Валентину Егоровну и не стал рассказывать маме, что всё-таки готовится к вступлению в кадеты. Вот только сердце почему-то сжималось и тоска давила где-то в груди. Что делать? Он пытался отогнать мрачные мысли, но на душе становилось не лучше, а всё хуже и хуже.

В этот день Даник на репетицию так и не попал, потому что мама не разрешила. Сначала он разозлился на маму, ушёл в свою комнату, лёг на кровать и зарылся головой в подушку. Постепенно гнев и негодование прошли, уступая место здравым рассуждениям. Проснувшись совесть напоминала ему, Данику, что, обманывая маму и готовясь к посвящению в кадеты, он грешит. Его сердце начало учащённо стучать. Лёжа в постели, Даник вспомнил, как в прошлом году он покаялся на одном из воскресных богослужений. Какая была радость на душе! Он тогда решил, что будет истинным христианином, начал регулярно читать Библию, ходил со старшими на благовестие. Ему хотелось трудиться для Бога... А сейчас?.. Ведёт двойную жизнь. Среди верующих — христианин. На богослужении выразительно рассказывает стихи, поёт в детском хоре, играет на аккордеоне. Дома —

послушный сын, помогает маме, на вечерних семейных собраниях может сказать назидательную проповедь. А в школе... Там совсем другая жизнь. С чего всё началось? Даник вспоминал, как перешёл в новую школу, познакомился с новыми друзьями, которые увидели в нём своего лидера. Он быстро привык к тому, что его хвалят, с ним хотят дружить. Учительница, узнав от мамы Даника, что он верующий, прилагала все старания, чтобы увести его от Бога. Она часто хвалила его, старалась направить на различные конкурсы, соревнования, где он, Даник, очень часто получал награды и стал думать о себе, что он лучше других. А теперь вот ещё и командиром кадетского класса Валентина Егоровна назначила именно его. Как там в школе репетиция без него прошла? Что подумали о нём одноклассники? «А что думает обо мне Бог?» — раздался вдруг откуда-то из глубины души нежный, но настойчивый голос. Даник тяжело вздохнул и, сев за письменный стол, открыл тетрадь по русскому языку для того, чтобы отвлечься от нерадостных мыслей.

За окном сгустились осенние сумерки. Вся семья после ужина собралась на семейное богослужение. После чтения Библии и небольшой беседы все склонились на молитву. Даник встал вместе со всеми на колени, но по-настоящему помолиться не смог. По привычке скороговоркой он произнёс несколько фраз, совсем не задумываясь над словами и смыслом. После молитвы все отправились спать. Даник лёг в постель, но сон

не приходил. С новой силой совесть напоминала о том, что он грешит. Он чувствовал, что, готовясь к вступлению в кадеты, приближается к глубокой пропасти. Ещё немного, и он покатится вниз. Грудь сдавливала мучительная тяжесть, в висках стучало, ладони покрылись испариной. Что же всё-таки делать? Вдруг его осенила простая мысль — рассказать обо всём маме, она посоветует, как выйти из этого состояния.

Даник направился к её спальне и тихо стукнул в дверь. Мама пригласила войти. При свете настольной лампы она читала Библию.

— Что случилось? — участливо спросила она. Даник молчал, не зная, с чего начать. Губы его вздрагивали. Он изо всех сил старался не заплакать.

— Иди ко мне, — сказала тихо мама, усаживая его около себя на кровать.

— Мне надо тебе сказать... — начал Даник нерешительно, — я не знаю, что делать...

Мама взяла его за руку.

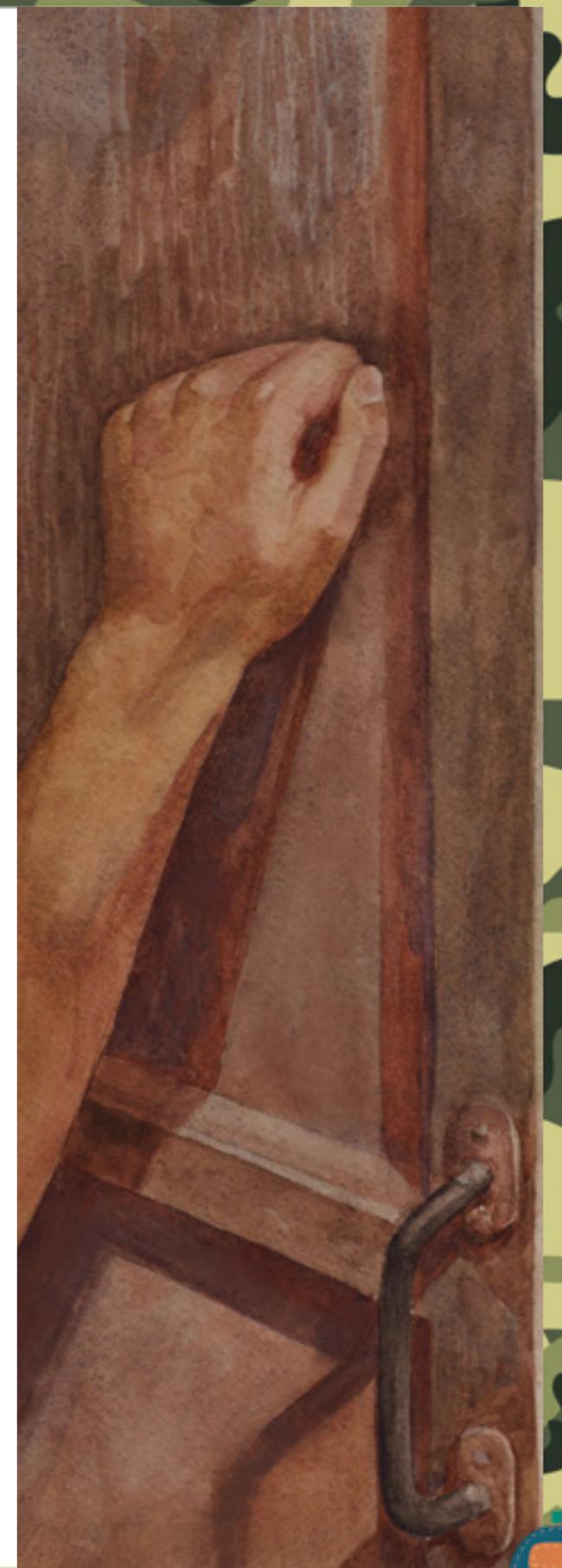
— Говори, сынок.

В голосе мамы Даник почувствовал тревогу.

— Через неделю у нас посвящение в кадеты, — еле слышно выдавил он с глубоким вздохом и замолчал.

— Но тебя же это совсем не касается, — сказала мама. — Ты верующий. А кадеты — военная организация для детей.

— Это обязательно для всего класса. Вон и Пашка будет вступать, а он тоже верующий. Учительница сказала, что из шестых классов нашего района

выбрали именно наш класс. Меня она назначила командиром. И ещё она сказала, что нужно будет давать кадетскую клятву. Это строго для всех.

Даник говорил очень неуверенно, скорее всего, пытаясь убедить не маму, а себя.

— Так сказала учительница. А Господь говорит другое: «Не клянись вовсе», — поправила мама. — Скажи, а тебе самому хочется стать кадетом?

От тихого маминого вопроса Даник вздрогнул. Она как будто заглянула ему в душу. Он и сам не решался признаться себе в том, что хочет... да, хочет.

Даник опустил голову. Его сердце учащённо билось в груди, к горлу подкатил ком. Он молчал, никак не решаясь ответить. Мама не торопила, терпеливо ожидая. Она только ласково поглаживала его по плечу. Наконец, Даник, глубоко вздохнув, громким прерывистым шёпотом произнёс:

— Да... я... хочу, но только чтобы быть командиром... а клятву произносить я не собирался.

— Сынок, это твоя гордость, — сказала мама. — Тебе хочется быть впереди, чтобы тобою все восхищались. Сатана знает, кому какую приманку подсунуть. Надо обратиться за помощью к Господу, самому тебе с этим искушением не справиться. Ты так же думаешь?

Даник кивнул головой в знак согласия. Да, он попросит у Господа прощения за свою гордость... И тут же какой-то противный голос внутри него напомнил, что ему предстоит ещё перед всем классом и учительни-

цей отказаться от кадетства. Данику показалось, что это будет так стыдно и унижительно. Ребята будут смеяться и перестанут его, Даника, уважать... Сердце заныло, из глаз неожиданно брызнули слёзы, и он заплакал.

— Засмеют ребята... — сквозь рыдания, заикаясь, повторял он. — Я не люблю, когда меня унижают...

Мама с сочувствием посмотрела на Даника.

— Тебе нужно смириться, и Бог тебе поможет, — пояснила она. — Ты ведь знаешь, что Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать.

Мама обняла Даника, прижала его к себе, погладила по голове, давая ему выплакаться.

Постепенно плач стал стихать, Даник немного успокоился. Но вдруг опять в его сознании шевельнулась неприятная мысль: а как он будет объявлять в классе о своём решении не быть кадетом?

— Мам, а как я скажу учительнице и всему классу? Они все вместе, весь класс, а я один... Мне страшно.

Мама взяла Библию со столика, открыла её.

— Я хочу тебе напомнить об одном библейском юноше. Эту историю ты слышал не раз.

Она прочитала отрывок из Первой книги Царств о том, как Давид выступил против Голиафа с пращой и поразил его камнем.

— Представь, как это было: полчище филистимлян, огромный Голиаф и юный Давид. И он, почти безоружный, идёт один против страшного врага, которого боялись все взрослые мужчи-

ны и трепетали перед ним. Давид победил, потому что он шёл во имя Бога. Есть ещё одна, тоже знакомая тебе с детства история про пророка Илию. Он был один, а против него весь народ, пророки Ваала, царь Ахав. Как тут не испугаться? Но в том-то и дело, что он был не один, а с Богом, действовал по Его повелению, и оказался победителем. И ты сможешь победить, если исполнишь Слово Божие. Согласен со мной? — спросила мама.

Даник молчал, в его сердце происходила борьба. Ему казалось, что он не сможет противостоять учительнице и всему классу. Но мама прочитала из Библии, что Бог помогает Своим детям побеждать. Ему, Данику, Он тоже поможет.

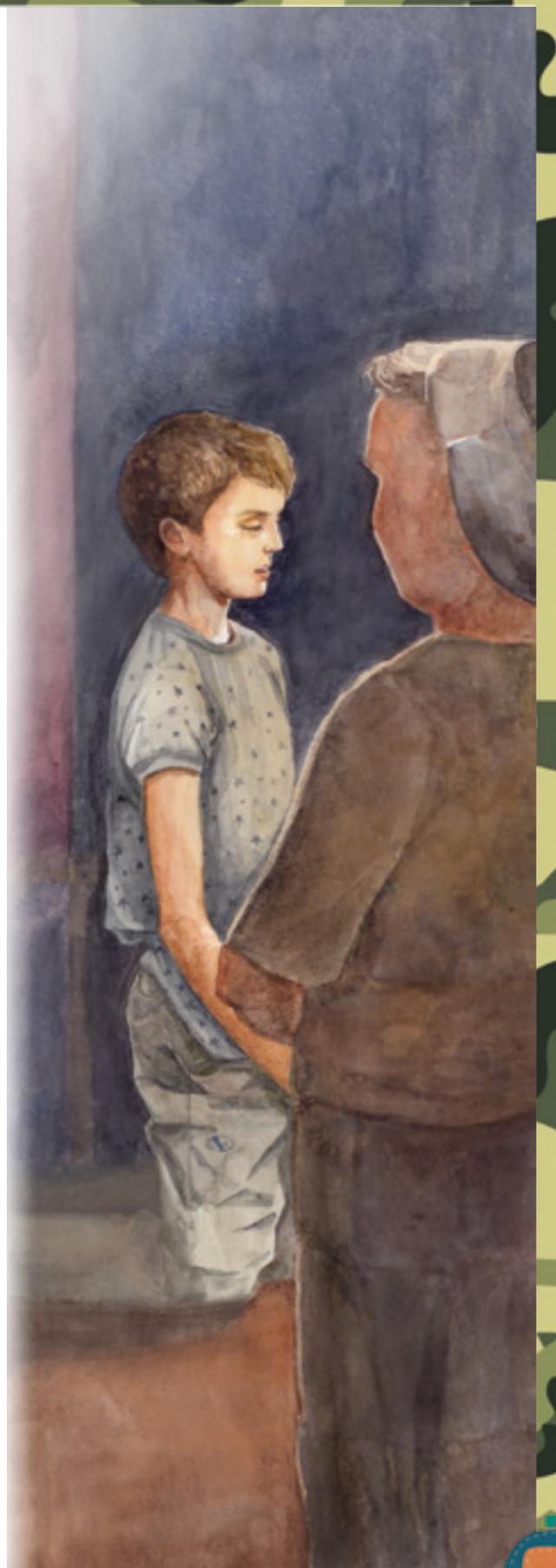
— Согласен, — наконец прошептал он, — но я боюсь! Как я это скажу?

— Ты должен сказать правду. Придёшь в понедельник и сразу, как прозвенит звонок и войдёт учительница, скажешь, что не будешь вступать в кадеты. Сделаешь?

— Да... Но... — Даник хотел ещё что-то сказать, но не решался.

— Говори, сынок, что у тебя ещё на сердце, — попросила мама.

— Я ещё хочу тебе кое-что рассказать, — тяжело вздохнул мальчик и решительно начал, опустив глаза. — Во время посвящения в кадеты мальчики будут танцевать вальс с девочками. Я уже несколько раз пробовал. Я хочу за это попросить прощения у Бога. А ещё, — глаза Даника опять наполнились слезами, — я хочу попросить прощения у тебя, мамочка, за то, что обманывал всё это время. Прости...

Мама улыбнулась, хотя в её глазах стояли слёзы.

— Сынок, — нежно сказала она, — я от всего сердца прощаю тебя. Я так рада, что Господь побудил тебя осознать грехи и раскаяться в них.

— Мама, давай помолимся, — попросил Даник. — Мне нужно избавиться от гордости и страха перед моим классом. Я не хочу вступать в кадеты. Я и знал, что мне там нечего делать, но учительница сказала, что я — прирождённый командир. А теперь я понял, что кадетство — грех. Не буду грешить.

Даник с мамой склонились на колени. Они молились, вместе плакали, прося у Бога помощи и милости. Когда они встали с колен, на душе у Даника было спокойно и легко. Мама поцеловала сына и спросила:

— Ну как, Давид, готов выступить против Голиафа?

— С Богом готов. Хотя и страшно, — признался Даник.

На следующий день, в воскресенье, вся семья отправилась на богослужение. С особым вниманием в этот раз Даник слушал проповеди, вдумчиво пел вместе со всеми гимны. Заключительная проповедь была о страданиях Иисуса Христа, о Его смирении. «Легко ли было смириться Христу? — думал Даник. — А как тяжело мне победить своё «я». Господи, помоги быть похожим на Тебя», — про себя молился он.

Когда закончилось богослужение, мама сказала детям:

— Идите домой. Девочки, разогрейте еду и, пожалуйста, покормите младших. Мне нужно зайти к одному

человеку. Я постараюсь вернуться побыстрее.

Мама действительно возвратилась домой скоро, но детям так и не сказала, где была, хотя они усиленно интересовались.

Понедельник выдался не по-осеннему ярким и солнечным. С утра ученики толпились у дверей школы. Среди них находился и Даник. Он решительно шагнул на борьбу с «Голиафом», про себя молясь и ожидая чего угодно, но только не того, что произошло в классе сразу после звонка.

Открылась дверь. Будущий кадетский класс замер в ожидании учительницы, каждый около своей парты. Сердце Даника учащённо билось. Валентина Егоровна вошла: строгая, чёрные стрелки нахмуренных бровей почти сошлись у переносицы, губы плотно сжаты, походка стремительная. Она молча прошла к столу, положила журнал, обвела глазами весь класс. Её взгляд остановился на Данике. Он уже хотел высказать своё решение, но Валентина Егоровна опередила его:

— Итак, — начала она громко, даже забыв поздороваться с детьми, — у меня для вас неприятная новость! Лесин Даниил не будет вступать в кадеты и не будет командиром. Я правильно поняла, Даниил?

Тонкие брови учительницы поползли вверх, глаза смотрели с нескрываемой неприязнью.

Даник молча кивнул, не успев даже ничего сказать. А учительница в это время без всякой паузы продолжала, постепенно переходя на крик:

— Как ты нас всех подвёл! Столь-

ко готовиться! И всё напрасно! Надо было хотя бы сразу сказать! Ну, кто вот теперь будет командиром? Кто ещё сможет так чётко отдавать команды? А такой красивый танец? Всё испортил!.. — не унималась учительница. — Я так надеялась, что ты откажешься от своего сектантства! Где твоя гордость?

Даник молчал.

— Валентина Егоровна, — послышался тоненький голос с первой парты, — я смогу быть командиром.

Это Денис Капелькин пришёл на помощь своему другу.

— Ну, вот и будешь им, — отрывисто сказала учительница, взглянув на него из-под сдвинутых бровей, — садитесь, будем проводить урок!

Все сели. Даник облегчённо вздохнул. На учительницу он старался не смотреть. Да и она, казалось, его не замечала. «Откуда она всё узнала?» — недоумевал Даник. И вдруг его осенило: «Мама! Вот куда она вчера ходила после собрания! Она решила мне помочь!» И тёплая волна благодарности разлилась в груди мальчика.

После урока ребята окружили Даника.

— Голова, ты что? Ты правда не будешь кадетом? Ты передумал быть нашим командиром? — сыпались вопросы со всех сторон.

— Что случилось, Даник? Вроде ж всё нормально было, вот только на последней репетиции тебя не было.

— Ребята, ему нельзя клясться, он верующий, — пояснил Денис.

— А Пашка тоже баптист, — возразила Юля. — Так что, Данику нельзя, а ему можно?

Она вопросительно взглянула на Пашку, он покраснел, опустил голову и ничего не ответил.

После последнего урока Валентина Егоровна объявила всему классу:

— Все без исключения идём в актовый зал на репетицию.

Даник спокойно и вежливо попрощался с учительницей, оделся и, взяв ранец, направился к выходу.

— Даник, подожди, я с тобой, — раздался решительный голос Пашки.

— Ты куда, Павел? — громко и раздражённо крикнула учительница.

— Я не буду кадетом, клятва — грех, — сказал Пашка и, быстро надевая куртку, поспешил за Даником. Одноклассники уважительно смотрели вслед этим двоим, не побоявшись гнева учительницы и мнения класса. Валентина Егоровна, подняв кверху тонкие брови и презрительно поджав губы, в сопровождении будущих кадетов двинулась по коридору в сторону актового зала.

Учительница смирилась с тем, что Даник не будет командиром, и, пожелав ему во второй четверти серьёзно заняться русским языком, оставила в покое. А Даник радовался тому, что Бог помог ему одержать победу над грехом и сделать правильный выбор.

Тлевож

Вот она, новая школа! Большие светлые окна, гранитные полы, высокие потолки. Директор вёл меня по лабиринтам длинных коридоров. Перед дверью с вывеской «9Б» он остановился, приветливо улыбнулся, и через мгновение — восемнадцать пар мальчишеских глаз изучающе рассматривали меня. Невроятно! За партами сидели одни мальчишки...

Неужели такое бывает? Как же я буду здесь учиться? С девочками можно о многом посекретничать и интересно провести время. А о чём я буду говорить с мальчишками? У них свои интересы. Господи, пошли мне хотя бы одну одноклассницу!

Через неделю, во время урока, дверь с шумом распахнулась и класс оживился при появлении красивой девчонки с длинными каштановыми локонами.

— Анка! Ты где была целую неделю?

— Где хотела, там и была. Какое вам дело?

Я обрадовалась: значит, у меня есть одноклассница! Но почему мне никто о ней не сказал? Тут я заметила холодный взгляд её карих глаз.

— Новенькая?! — окинув меня оценивающим взглядом с головы до ног, Анка ехидно ухмыльнулась.

Ах да! Недавно я покаялась и теперь выгляжу не так, как все. Может быть, её оттолкнули моя косичка и длинная юбка? Мне стало ясно — подружиться с ней будет непросто.

Однажды Анка забыла дома пенал, и я предложила ей ручку.

— Не из лучших, ну да ладно, сойдёт. Купи ручку подороже.

И это всё?! Ни ручки, ни благодарности.

В другой раз на перемене мальчишки спросили меня:

— Лиза, почему ты не носишь брюки?

— Потому что я не мальчик!

— Анка тоже не пацан, а ходит в брюках. Что тут такого?

— Для людей, может, и нет разницы, а для Бога есть. Он создал мужчину и женщину и дал им различную одежду.

— А в коротких юбках ты бы лучше выглядела!

— Может, и так, но короткие я надевать не хочу, неприлично!

— Смотрите, Святая Мария! А тебе не жарко в длинных юбках? Замоталась, как бабка, — дерзко выкрикнула Анка.

— А тебе не жарко? Твои джинсы потеплее Лизиной юбки! — заступился кто-то из мальчишек. Раздался громкий смех. Одноклассница гневно посмотрела на меня.

Анка всегда была в центре внимания и легко командовала классом. А её нелепые идеи часто вызывали восторг одноклассников. Так было и в этот раз.

— Математика отменяется! Идём есть мороженое! Кто появится на шестом уроке — пожалеет!

Предложение было принято громкими восклицаниями. Я почувствовала на себе леденящий взгляд одноклассницы. Она знала, что я не пойду.

После пятого урока класс опустел. Что делать? Уйти домой — неправильно. Пойти и выдать всех — предательство. Что я скажу учителю?

Преподаватель открыл дверь класса и замер.

— Сбежали, значит. Ох уж эти мальчишки! Ладно, Лиза, иди домой.

То утро было туманным и свежим. Я спешила по оживлённой улице в школу. Из-за поворота вышла Анка со своим младшим братом-шестиклассником. Она сразу заметила меня и, злобно сверкнув глазами, что-то сказала ему. Сердце лихорадочно забилось от предчувствия недоброго. Вспомнился леденящий взгляд Анки. Неужели будет мстить?

Больше всего я боялась, что не сдержусь. Трудно терпеть, когда можешь постоять за себя. Ещё свежи были в памяти приёмы борьбы, которым я обучалась до покаяния. Но нет! Сохрани, Господь! Я отдала своё сердце Тебе и теперь хочу жить свято! Господи, помоги мне! Помоги бояться Тебя больше, чем людей!

Вдруг — удар по спине! Я оглянулась. Передо мной стоял Анкин брат со злобой ухмылкой на лице. Размахивая резиновым шлангом, он стал бить меня по ногам. Боль. А потом — плевков в лицо! Я услышала в стороне громкий смех Анки. В голове всё закружилось. Снести такое унижение было выше моих сил!

— Святоша! — продолжал насмеяться мальчишка. — Ну, что ты мне можешь сделать? А?

Я закрыла глаза. Мне хотелось умереть, чтобы ничего не видеть и не слышать!

Что я могу сделать? Разве не могу я одним ударом положить его на землю и отстоять свою честь? Ведь всё так просто! Ведь это ничего не стоит!

Не стоит?! На этом вопросе, казалось, остановилось время.

В глубине своего сердца я услышала знакомый нежный голос Иисуса:

«Лиза, в Меня тоже плевали! Меня били! Меня распяли! За тебя!»

«Но здесь совершенно другой случай! — пыталась я оправдать своё желание отомстить. — Такой позор! Я ненавижу Анку. Ведь именно она настроила своего меньшего брата, чтобы унижить меня».

«Я возлюбил тебя, Лиза. Я люблю и её».

«Нет, я не могу!.. Не могу терпеть такие издевательства».

Комок в горле душил меня. Только не плакать!

Секунды тянулись вечность.

Мальчишка развернулся и, ударя шлангом по земле, стал удаляться. Довольная Анка последовала за своим братом. Одно-разовым платком я стёрла слезы и медленно направилась в школу. Окружающие смотрели на меня с сочувствием, но никто не вступился. Я дрожала всем телом, перед глазами всё расплывалось от слёз.

В классе все уже знали о случившемся. В воздухе висело напряжение. Даже Анка была тише обычного. Я не могла прийти в себя и ужасно мучилась. Господи, поче-

му так? Что я ей сделала? Ведь я так старалась подружиться с ней. Ненавижу её! Боль, но боль не от ударов, а от унижения жгла сердце. Горечь... Обида... А так хочется жить свято.

Вечером, закрывшись в комнате, я долго обдумывала происшедшее. Хотелось отомстить. Пожаловаться директору? Но что это даст? Будет только хуже. Наконец я взяла Библию. Я читала её по порядку, по одной главе утром и вечером. Но когда мне было особенно трудно, я прочитывала подчёркнутые мной места Писания. Так, листая страницы и читая выделенные места, я дошла до пятой главы Евангелия от Матфея и прочитала стих 44: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...»

Только сейчас я начала понимать, чего хочет Господь: «Любите врагов ваших...» А как их любить, если не можешь простить? А как сделать добро, если ненавидишь? Перевернув страницу, я прочла в следующей главе пятнадцатый стих: «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

Но как тяжело исполнить эти слова! Мне казалось, что это просто невозможно.

И всё-таки, почему я не могу простить? Почему хочу мстить, ведь я люблю Бога? Почему не могу смириться, как Он? Может, это моё «я»? Моя гордость?

Долго ещё я боролась со своим «я». Потом опустилась на колени.

— Господь! Сама не могу. Помоги Ты мне простить Анку и не отвечать злом за зло. Помоги полюбить её, — молилась я со слезами.

Через несколько дней я увидела Анку в супермаркете. В одной руке она держала большую коробку дорогих конфет «Рафаэлло», в другой — пачку карамели. Она долго думала и, выбрав дешёвые карамельки, направилась к кассе. Мне стало искренне жаль Анку, было видно, что ей так хотелось «Рафаэлло». У меня появилось желание сделать для одноклассницы что-то доброе. И я удивилась: как и куда пропала ненависть, которая ещё недавно так мучала меня.

Господи, прости, что я думала только о себе, жалела себя, обижалась и не задумывалась об Анке. В какой семье она растёт и почему она такая грубая? И о Тебе она ещё ничего не знает...

Через пару минут мы почти одновременно вышли из магазина.

— Анка! — от волнения у меня дрожали колени и сердце вырывалось из груди.

— Чего тебе?

— Анка, возьми, пожалуйста! — я протянула ей коробку «Рафаэлло».

— Ты что?! Деньги некуда девать?

— Ну, может, я чем-то обидела тебя и не заметила? Прости. Это для тебя.

Анка нерешительно взяла конфеты и растерянно произнесла:

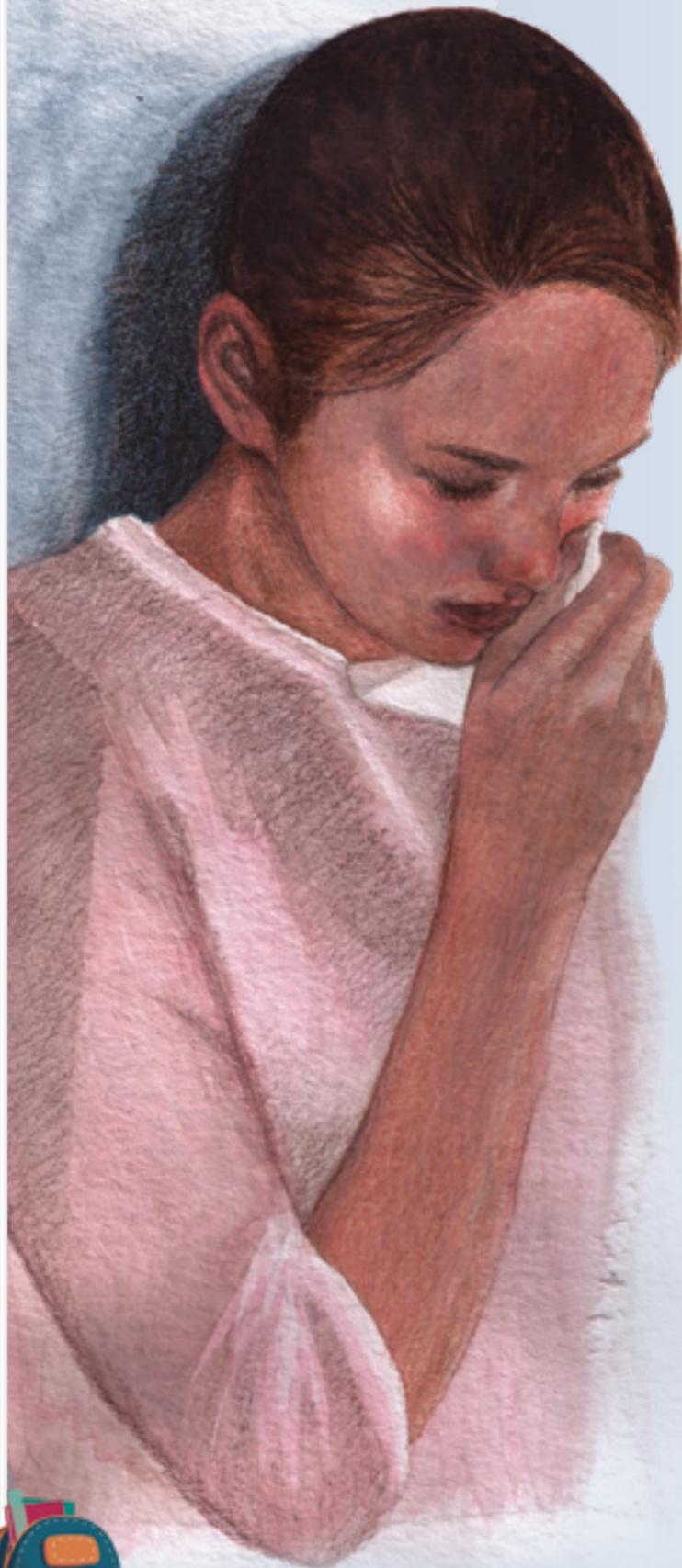
— Спасибо.

Первое «спасибо», которое я услышала от неё!

Мне тяжело было смириться, казалось, что я унижаюсь перед Анкой. Но радость, наполнившую меня после, нельзя было сравнить ни с чем. Теперь я не жалела, что потратила с трудом накопленные деньги.

Следующий день принёс мне ещё одну радость.

— Я буду сидеть с тобой! — сказала Анка, не обращая внимания на загудевший класс.

Неужели такое может быть?

Украдкой наблюдала я за одноклассницей. Она сидела рядом и писала задания. Невидимая стена, которая разделяла нас, казалось, рухнула. Не было больше колкостей и насмешек, которых я так боялась. С того дня мы вместе проводили время на переменах. О себе Анка ничего не рассказывала и моей жизнью тоже не интересовалась. Все наши разговоры были о школе.

Наступили и быстро пролетели летние каникулы. Поездки, приключения, рыбалка, море, горы... — обо всём можно было слышать в общем шуме собравшегося класса. Появление Анки вызвало особое удивление.

— Ого! Ну и ну!

— Анка! Это что, новый бренд?

Зная одноклассницу, казалось, уже нечему удивляться. Но то, что я увидела, было ошеломляюще! Вместо красивых каштановых локонов во все стороны торчали короткие чёрные «пеньки». Над ушами появились выбритые полоски, а в носу и губах сверкали маленькие серьги. Непривычным был и её наряд: разорванные джинсы и расписанная белой краской чёрная «спортивка», за спиной — обвешанный металлическими побрякушками рюкзак.

— Анка, а тебе идёт... Косу в руку, и в фильме ужасов сниматься можно...

— На себя посмотри... — буркнула Анка однокласснику, садясь на своё место.

Ещё не успела я привыкнуть к «новой» Анке, как последовал следующий сюрприз. Большая серая крыса медленно выползла из-за пазухи «спортивки» и села у Анки на плечо, внюхиваясь в воздух класса. Я мышей боюсь, а здесь — крыса! Мне стало плохо. Только бы не упасть! Как я буду сидеть рядом с крысой целый день? Ужасно! Я надеялась, что Анку выгонят с уроков, но учителю крыса понравилась, и это мерзкое существо бегало по партам, стульям и по всему классу до окончания уроков. Благо, только один день.

Что произошло? Почему Анка так выглядит? Хотя мы проводили вместе перемены, я по-прежнему ничего не знала о ней. Несколько раз я пыталась заговорить о Боге, но разговора не получилось. Как же рассказать ей и всем мальчишкам о Христе, о Библии? Каждый вечер я молилась о них Богу, и Господь услышал.

В классе готовилась серия рефератов по теме «Любимая книга». Каждый день кто-то готовил выступление. Когда подошла очередь Анки, она представила какой-то роман и потом призналась мне:

— Я и не думала его читать... Мамка рассказала.

Настала моя очередь. Долго готовилась я к этому выступлению с рефератом. Бог подарил мне возможность сказать о Нём всем сразу. Было страшно. Как отреагирует учитель? Поймут ли одноклассники, что именно я хочу сказать? А если они будут смеяться? Вспомнила, как дрожала от страха, когда дарила конфеты Анке. Тогда я боялась её насмешек. А Анка, наоборот, перестала издеваться надо мной.

Внутренне помолившись, я подняла книгу вверх. Класс замер в ожидании. Как трудно начать! Господь, помоги мне!

— Моя любимая книга — Библия!

Сама удивилась, с какой смелостью я сказала эти слова. Потом говорить было намного легче.

— Это самая удивительная книга на земле! Единственная книга, которая описывает начало и конец земли. Именно эта книга открывает нам смысл и цель жизни.

Бог сотворил человека и поселил его на прекрасной земле. Но человек согрешил и потерял общение с Богом. У каждого человека есть вечная душа. Это значит, что после смерти человек не перестаёт существовать. Тело умирает, но душа нет. После смерти для души определено два места: ад или рай. Любящий Бог пришёл в лице Иисуса Христа, чтобы взять грех мира на Себя и распять его на кресте. Мой и ваш грех пригвождён к тому кресту. И каждый из нас может иметь свободу от греха. Золотой стих Библии — Евангелие от Иоанна 3, 16 — коротко говорит о самом важном:

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

Бог подарил мне прощение грехов, мир в сердце и смысл жизни. Библия — Слово Самого Бога! Она полностью изменила мою жизнь. Желаю, чтобы вы все прочитали её!

Меня удивляло внимание одноклассников. Никто не нарушал тишину, даже после того, как я села на своё место. Может быть, я что-то не так сделала?

— Хорошо, — сказал преподаватель после долгой паузы.

— Вот это да! — большие глаза Анки расширились от удивления. — Ты правда так веришь? Слушай, а это Бог сказал тебе подарить мне конфеты?

— Знаешь, Анка... Мне хотелось отомстить тебе. Но в Библии написано: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас». Благотворить — значит делать добро.

— А что ты там про грех говорила?

Произошло то, чего я так долго ждала. Анку нельзя было остановить. Казалось, что жажду по Богу она давно носила в себе, и вот сейчас желание знать о Нём вырывалось наружу, как вулкан. Порой я не успевала ответить на один вопрос, как она задавала следующий. Но временами она становилась опять закрытой и старалась не касаться темы о Боге. Какая Анка странная и непредвиденная! Никогда не знаешь, о чём она думает.

Однажды на перемене я увидела страшную картину. Анка сидела у окна и иголкой от циркуля выкалывала на внутренней стороне руки крест. На месте проколов в форме креста выступила алая кровь. Я пришла в ужас! Что делать? Господи, помоги!

— Ты что делаешь? Анка! Перестань! — взволнованно выкрикнула я.

— Мне так легче...

— Что-то случилось? Тебе плохо?

Тут я увидела её мокрые от слёз глаза. Она умеет плакать! Такой она ещё никогда не была.

— Ты такая счастливая, Лиза! А я не хочу жить...

— Почему?

— А зачем? Кому я нужна? Мне легче, когда я вижу кровь...

— Твоя кровь тебе не поможет. А Кровь Христа спасёт!

— А жертвы Богу вы приносите?

— Нет. Христос стал жертвой за всех и уже пролил Свою Кровь. Поэтому не нужно больше приносить жертвы. «Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха».

— А у моих друзей в саду стоит жертвенник, — задумчиво произнесла Анка. — Недавно в жертву курицу принесли. Перед этим они читали книгу, но не о Боге. Вернее, плохое о Боге. Они не такие, как ты. Говорят, что нужно делать много зла, и будет больше добра.

— Тебе бы сильно понравилось, если бы я вместо конфет подарила тебе пару приёмов карате? Разве прибавилось бы добра от моего поступка?

Анка задумчиво смотрела в окно и молчала.

В этой тишине я вспоминала свою жизнь без Христа. Нет достойной цели, нет вечной радости, нет правды. Кругом обман, лицемерие и зло. Тогда я тоже не хотела жить... Переживания Анки были мне до боли знакомы. Господи, откройся ей! Спаси её! Дай мне мудрости, что и когда говорить.

— Анка, скажи честно, твои друзья — сатанисты?

Этого вопроса она не ожидала и удивлённо спросила:

— Как ты догадалась?

— Просто знаю немного о них. Теперь мне понятно, почему ты стала так одеваться. Анка, ты не будешь счастливой, даже если исполнишь все ритуалы сатанизма. Ты не сможешь злом победить зло — это невозможно! Веришь ты или нет — Бог всё равно существует, и ты не исчезнешь после смерти. Каждый твой грех добавляет муки твоей душе. И если Иисус Христос не избавит тебя от греха — эти муки станут вечными... Пожалуйста, оставь своих друзей! Читай Библию!

— Тебе легко, ты — белая.

— Ты о чём?

— О том, что ты святая.

Теперь только я поняла, почему некоторые ученики, смотря на нас, говорили: «Чёрная с белой пошли».

— Анка, я мучилась, подобно тебе. Грехи мучили меня, и я не хотела жить, пока не услышала об Иисусе Христе. Когда я поверила Ему и попросила у Него прощения и свободы от греха — Он изменил мою жизнь. Нет больше мрака и ужаса, которые я испытывала ночами. Радость, чистота, свобода! Настоящую свободу может дать только Бог! И теперь ни за что на свете не хочу жить так, как жила раньше.

Отрывной календарь худел с каждым днём, приближая новый отрезок жизни.

Десятый «Б» собрался в последний раз. Все успешно сдали экзамены, и каждый делился своими планами на будущее. Многие уезжали учиться в разные уголки страны. Меня также ждала дальняя дорога. Я понимала, что больше никогда не вернусь сюда.

На прощание Анка сказала:

— Лиза, я решила — не пойду больше к сатанистам. Буду читать Библию!

— Анка, я буду и дальше молиться о тебе! Ищи Бога! Помни, без Христа нет счастья!

Ответы на вопросы «Светильник» № 2, 2018 г.

Ной: Сим, Хам, Иафет

Иессей: Елиав, Давид

Иаков: Рувим, Левий, Иуда

Иосиф: Ефрем, Манассия

Салпаад: Махла, Ноа, Милка

Аарон: Надав, Авиуд

Илий: Офни, Финеес

Самуил: Иоиль, Авия

Елимелех: Махлон, Хилеон

Иов: Емима, Кассия, Керенгаппух

Соедини вагончики
в правильной последовательности,
и ты прочитаешь библейский стих.

Рыбалка

Приближались летние каникулы. Было уже по-летнему тепло, и школьникам хотелось поскорее вырваться на улицу, чтобы насладиться ласковыми лучами майского солнца.

В ярко освещённых коридорах школы прозвенел звонок, закончилась последняя перемена. Все ученики разошлись по своим классам, предвкушая скорое окончание ещё одного учебного дня.

— Здравствуйте, ребята! — сказала Светлана Алексеевна, входя в кабинет. — Садитесь.

Учительница раскрыла журнал седьмого «Б» и отметила отсутствующих.

— Сегодня мы с вами пройдем новую тему. Записывайте: «Страны Восточной Европы»...

Влад, сидя за последней партой, совершенно не слушал Светлану Алексеевну. Для него гораздо интересней был восторженный рассказ Вовы, соседа по парте, у которого накануне был день рождения.

— Но лучше всех подарков, конечно же, удочка, — уже в который раз похвастался Вова, — да не простая, а с катушкой!

— Да... — мечтательно выдохнул Влад. — Длинная?

— Ещё какая! Телескопическая! Если все части выдвинуть, то прямо отсюда можно достать тряпку возле доски.

В это время Светлана Алексеевна, стоя спиной к классу, записывала название темы на доске. Влад прыснул от смеха, представив, как удивилась бы их учительница, обнаружив, что тряпка «уплывает» в неизвестном направлении.

— Вова! Ты почему не пишешь? Что это за смех с последней парты? — рассерженным тоном произнесла Светлана Алексеевна.

— Я не смеялся... — еле слышно произнёс Вова.

Влад потупил взор и сделал вид, что старательно записывает в тетрадь название новой темы.

— Давай сегодня пойдём на речку, опробуем мою удочку, — прошептал Вова.

— Здорово! — обрадовался Влад, откладывая ручку в сторону. — А где мы возьмём наживку?

— Нужно наварить перловки или накопать у ручья баночку червяков, — с видом профессионала ответил Вова. — Мой папа всегда так делает...

Весь урок мальчики обсуждали, как, когда и на какую наживку лучше ловить рыбу и где подходящие места для рыбалки. Увлечённые интересной беседой, они совсем не заметили, как закончился урок.

— Домашнее задание на доске. В четверг я сделаю опрос, поэтому будьте готовы. До свидания! — сказала Светлана Алексеевна и вышла из класса.

— Ну что, встретимся на берегу? — Вова надел рюкзак на плечи и подмигнул другу.

— Да, в четыре часа я буду ждать тебя там! — радостно ответил Влад. После обеда Влад наспех сделал уроки и засобирился на рыбалку.

— Мама, можно я пойду с Вовой порыбачить? — спросил Влад. Он открыл кухонный шкаф в поисках подходящей посуды для наживки.

— Если все уроки сделал, можно, — разрешила мама. — Но только недолго, сынок. Иди с Богом!

— А нам на завтра мало задали, я уже справился. Спасибо, мама! — обрадовался Влад.

Он нашёл жестяную баночку, захватил лопату из сарая и, напевая что-то себе под нос, направился к условленному месту, где его уже ждал Вова.

Мальчики накопили червяков и отправились к реке. За три часа они наловили целый садок маленьких чебаков. Поделив рыбу поровну, Влад и Вова остались довольны своим уловом.

— Вот папа обрадуется, когда увидит, сколько я наловил! — воскликнул Вова и поднял свой пакет с рыбой. — Давай завтра придём пораньше и наловим ещё больше!

— Хорошо! — согласился Влад. — До завтра!

Влад пулей примчался домой. Он отдал рыбу маме, и на ужин каждому досталось по парочке зажаристых чебаков.

На следующий день мальчики снова пошли на рыбалку. На этот раз они накопили в два раза больше червей, надеясь на хорошую добычу. Но оттого ли, что сегодня было слишком жарко, или червяки были какие-то маленькие — клёва почти не было. Приближался вечер, а в садке было всего несколько маленьких пескарей.

— Нет, сегодня явно не наш день, — печально проговорил Влад.

— Давай ещё часок половим, может, вечером будет лучше, — предложил Вова, не сводя глаз с поплавка.

— Может, лучше домой пойдём? Я ещё уроки не сделал, да и скоро темнеть начнёт, а я родителям обещал не задерживаться.

— Ну, ещё совсем немного. Вдруг сейчас большая щука клонет? — принялся уговаривать Вова.

Влад тяжело вздохнул и с надеждой посмотрел на неподвижно торчащий из воды красный поплавок. Так они просидели на берегу ещё целый час. Но все ожидания были напрасны. Расстроенные и уставшие, мальчики разошлись по домам.

Солнце склонялось к горизонту. Влад уже не мчался домой. Пакет был пустым, настроение плохое. К тому же всё тело ломило от неудобного сидения на камнях, а обгоревшие на солнце плечи сильно пекло. Когда Влад приплёлся домой, он без сил упал на свою кровать. Немного полежав, он потянулся за рюкзаком и вынул дневник. Влад обнаружил, что домашнее задание было только по географии.

«Как же всё-таки параграф читать не хочется... — поморщился Влад. — А может, Светлана Алексеевна меня не спросит завтра?»

География была одним из самых лёгких для Влада предметов. Ему стоило только внимательно послушать учительницу на уроке, и он всё запоминал так, что даже в учебник не заглядывал. По географии у него всегда была твёрдая пятёрка, наверное, поэтому Светлана Алексеевна редко его спрашивала. Бывало, что за всю четверть он всего пару раз отвечал у доски.

«В этой четверти меня уже спрашивали. Завтра можно будет просто отсидеться», — подумал Влад, складывая учебники в рюкзак.

Открыв Библию, он стал читать девятнадцатую главу из книги Притчей. Голова была тяжёлой, мысли путались, но он всё же понял, что тут говорилось о мудрости и глупости. Один из первых стихов заинтересовал Влада: «Нехорошо душе без знания...» — прочитал он ещё раз. — «Конечно, нехорошо. Без знания пятёрку не получишь, только двойку. Да, не зря папа с мамой всегда говорят, что нужно старательно учиться. А я сегодня уроки не сделал... Но надеюсь, что завтра меня не вызовут к доске. А уж к следующему разу я подготовлюсь».

Влад пробежал глазами ещё раз всю главу до конца, помолился и лёг спать.

На следующий день он стал переживать о том, что совсем не готов по географии.

— Здравствуйте! — сказала Светлана Алексеевна, входя в класс. — Садитесь, пожалуйста. Ну что ж, проведём небольшой опрос по пройденной теме. Кто хочет первым ответить?

Светлана Алексеевна окинула класс пристальным взглядом поверх очков. В кабинете наступила такая тишина, что можно было чётко слышать, что происходит за стенкой.

— Хм... Прямо лес рук. Ну, раз никто не хочет, тогда пойдём по журналу. Абрамов! Может быть, ты нам расскажешь, о чём же мы говорили на прошлом уроке?

— Я не готов, — ответил тот, низко опустив голову.

— Плохо. Очень плохо. Ставлю тебе двойку, — ледяным тоном ответила Светлана Алексеевна и вновь стала смотреть в журнал.

Влад пригнулся пониже к парте, молясь про себя Богу, чтобы его не спросили. Сейчас он сильно жалел, что вчера не прочитал параграф, а ещё сильнее, что весь прошлый урок проговорил с Вовой. Если бы он тогда был внимательным...

— Мелентьев! — обратилась Светлана Алексеевна к Воле. — Расскажи нам тему. На прошлом уроке ты меня так внимательно слушал, — иронично добавила Светлана Алексеевна, — что наверняка всё помнишь.

Вова медленно поднялся со своего места.

— Светлана Алексеевна, вы лучше мне вопросы задавайте. Мне так проще, — попросил Вова.

— Ну, хорошо. Перечисли мне государства, которые находятся в Восточной Европе. Я их во вторник на доске записывала.

Вова немного наклонил голову и еле слышно шепнул Владу:

— Подскажи...

Влад бесшумно открыл тетрадь, но кроме названия темы ничего там не обнаружил.

— Я не записал, — огорчённо прошептал он другу.

— М-м-м... в Восточной Европе находятся такие государства, как... как... Испания, Гренландия и Венгрия, — выпалил Вова.

— Володя! Гренландия — это страна в Западной Европе, и находится она на острове. Испания тоже не относится к Восточной Европе. Венгрию ты правильно назвал. Назови мне столицу Венгрии.

— Вена! — даже не задумываясь, выпалил Вова.

— Всё, садись, двойка. Может быть, твой сосед по парте ответит лучше? Влад, расскажи нам, пожалуйста, про страны Восточной Европы, — спокойно попросила Светлана Алексеевна, уверенная в блестящем ответе своего отличника.

Влад обомлел. Что сейчас будет?

— Я не готов. Простите меня... — тихо ответил он.

Светлана Алексеевна сдвинула брови и стала постукивать карандашом по столу.

— Ну уж от кого — от кого, но только не от тебя... От тебя, Влад, я никак не могла этого ожидать, — проговорила учительница, тяжело вздохнув. — Я ставлю тебе точку. Но знай, что эта точка может превратиться в любую оценку. На следующем уроке я обязательно тебя спрошу.

Влад покраснел. Ему было досадно, что учительница именно сегодня решила его спросить. Плохое настроение было обеспечено на весь день.

Придя после занятий домой, он не пошёл на рыбалку, а открыл учебник по географии, намереваясь добросовестно подготовиться к предстоящему опросу. Теперь ему пришлось учить не только страны Восточной Европы, но и повторить весь материал за год. Влад начал штудировать учебник с самого начала.

Уже совсем стемнело, когда Влад сложил учебники в портфель. Открыв Библию, он вновь прочитал стих, над которым размышлял накануне:

«Нехорошо душе без знания. Правда, нехорошо. Теперь нужно исправлять эту точку. Не зря папа с мамой говорят, что нужно хорошо учиться. Ученье — свет. Глупых ждут одни неприятности в жизни: сердце их извращает путь Божий, тут и бедность сразу поблизости, и друзья оставят, и родителям одни печали», — задумался Влад. С твёрдым намерением добросовестно относиться к школьным заданиям, Влад крепко уснул.

Следующий урок географии Светлана Алексеевна сразу начала с опроса «должников».

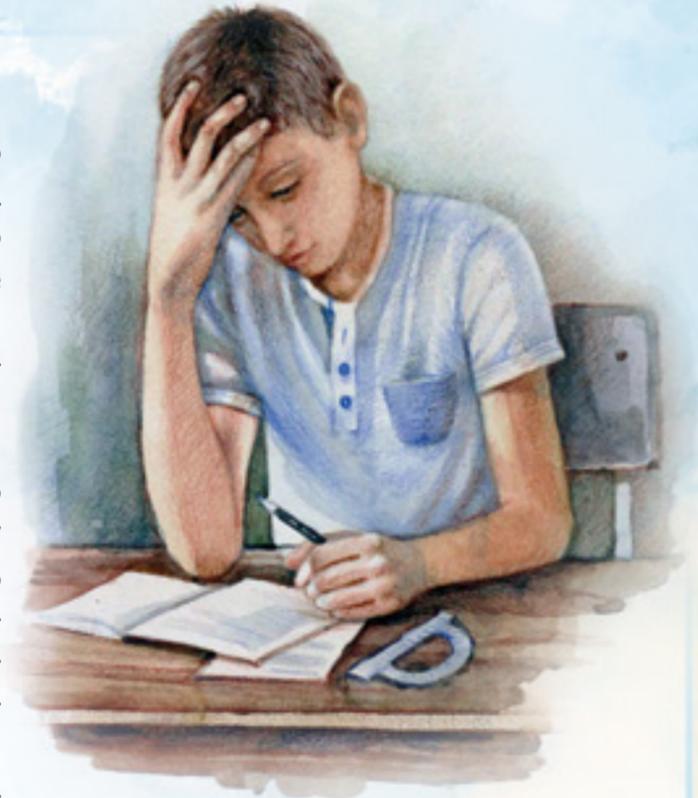
— Ну что, Влад, ты готов исправить свою точку? — спросила учительница, испытывающе посмотрев ему прямо в глаза.

— Да, — уверенно ответил Влад. — Спрашивайте.

Светлана Алексеевна устроила Владу настоящий экзамен. Она спрашивала его не только по теме прошлого урока, но задавала самые каверзные вопросы. Как Влад радовался в тот момент, что накануне прочитал весь учебник! Он с лёгкостью смог ответить на все вопросы.

— Ну что ж... Географию ты знаешь на твёрдую пятёрку, — подытожила Светлана Алексеевна. — Но сегодня я ставлю тебе только четыре.

Влад получил хороший урок. После этого случая он старался добросовестно выполнять все школьные задания.

Если лет тебе немного —
Лишь четыре или пять,
Научись молиться Богу
И собрание посещать!

Пой и радостно, и звонко
Про святые чудеса —
Голос малого ребёнка
Очень дорог небесам!

Вот рука. А это — пальцы,
Будто маленькие братцы!
Я могу их сосчитать:
На руке их ровно пять.

Этим братикам — не тесно!
Их создал Отец Небесный,
Чтобы я трудиться мог,
Чтобы ближнему помог!

Можно ли клясться, если не обманываешь?

На этот вопрос отвечает Священное Писание: «Прежде же всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землёю и никакою другою клятвою, но да будет у вас: «да, да» и «нет, нет», дабы вам не подпасть осуждению» (Иакова 5, 12). В Библии написано, что клясться нельзя. Иисус Христос говорил ученикам: «Не клянись вовсе...» (Матфея 5, 34). Поэтому достаточно дать собеседнику либо утвердительный, либо отрицательный ответ.

Обычно человек произносит клятву, чтобы придать своим словам дополнительный вес в надежде, что ему поверят. Для христиан в этом нет необходимости, потому что они всегда говорят правду.

Святым людям клятва не нужна. Надо жить так, чтобы окружающие верили твоим словам. Никто не будет требовать от тебя большего подтверждения истинности твоих слов, если ты всегда говоришь правду.

Почему у христиан в семьях бывает много детей?

В семьях христиан много детей, потому что это Божья заповедь. В Бытие, в первой главе, мы читаем, как Бог сказал Адаму и Еве, чтобы они плодились и размножились, а в книге пророка Исаии мы видим слова Господа, что дети — дело рук Его (Исаия 29, 23). Смысл этих слов заключается в одном: жизнь человеку даёт только Бог. Кто не соглашается со Священным Писанием, тот противится воле Божьей.

В Библии также написано: «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него — плод чрева» (Псалом 126, 3). Следовательно, дети являются наградой от Отца Небесного, и блажен тот человек, кто её принимает. В детях накапливается благословение прежних поколений.

Соглашаться с тем, что в семье может быть много детей и радоваться их появлению на свет — это воля Божья, так как в человеческом теле матери формируется бессмертная душа для вечности. Много детей — это особое благословение, которому радуются родители, любящие Бога и соблюдающие Его заповедь.

В школе Божьей...

В. Кузьменков

Т. Спесивцева

Умеренно подвижно

1. В шко_ле Бо_ жьей мы толь_ко де_ ти, толь_ко ма_ лы_ е у_ че_ ни_ ки,
ес_ ли хо_ дим в Е_ го мы све_ те под во_ ди_ тель_ ством силь_ной ру_ ки.
Припев
Бо_г Сво_ и нам да_ ёт у_ ро_ ки, Е_ го го_ лос мы слы_ шим в ти_ ши,
доб_ рый, неж_ ный, по_ ро_ ю стро_ гий — всё для ра_ до_ сти на_ шей ду_ ши.

1. В школе Божьей мы только дети,
Только малые ученики,
Если ходим в Его мы свете
Под водительством сильной руки.

Припев: Бог Свои нам даёт уроки,
Его голос мы слышим в тиши,
Добрый, нежный, порою строгий —
Всё для радости нашей души.

2. Он подходит к каждому лично,
Помогает выучить урок,
Чтоб учились мы на отлично,
Чтобы каждый успешным быть мог.

Припев.

3. Направляет нас на путь вечный,
Чтоб ступали по Его следам
И стремились к стране заветной,
Где нет скорби, вражды и греха.

Припев.

Знакомимся с песней

Дорогой друг! Задумывался ли ты когда-нибудь о существовании Божьей школы? С какого возраста в ней можно учиться? Какие предметы в этой школе изучают? Есть ли там дневники с оценками? Интересно ли проходят уроки? Кто в ней является учителем?

Песня «В школе Божьей...» рассказывает об этом в тексте. Постарайся ответить на все эти вопросы сам, прочитав песню. Когда найдёшь ответы, подумай о том, что нужно сделать, чтобы учиться в этой школе на отлично?

Теперь перейди к изучению мелодии. Она написана для двух голосов — сопрано и альта. Сопрано — верхний голос, а альт — нижний, который является опорой и создаёт красочные созвучия. Песня написана в одной из самых светлых тональностей — до мажоре. Однако композитор раскрашивает мелодию при помощи чередования минорных и мажорных красок.

Постарайся добросовестно и старательно выучить эту песню для того, чтобы она послужила к назиданию не только детям, которые будут слушать тебя на богослужении, но и взрослым людям, ещё не ставшим учениками Иисуса Христа.

*Шелестят листочки
на деревьях
В солнечном уборе
золотом.
Мы в молитве
с чистой детской верой
Предстоим
пред Господом Отцом:*

*«Сохрани нас
от порочных знаний
И от искушений
сбереги.
А придёт пора
сдавать экзамен —
Совесть не испачкать
помоги!»*

Христианский журнал для детей младшего
и среднего школьного возраста
Издаётся с 2010 года
Выходит два номера в год

Отпечатано в типографии
издательства «Христианин» МСЦ ЕХБ
на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит